

Научный журнал «ЭПОМЕН»

Epomen Scientific Journal

электронное периодическое научное издание

№ 31, сентябрь 2019
No. 31, September 2019

ISSN 2686-6722

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский, проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2019

Состав редакции журнала

Главный редактор:

Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:

Адаменко Александр Александрович, д-р экон. наук, профессор

Бурда Алексей Григорьевич, д-р экон. наук, профессор

Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК

Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор

Дикаев Салмат Умарович, д-р юрид. наук, профессор

Курдюк Петр Михайлович, д-р юрид. наук, профессор

Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, профессор

Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор

Самойлов Сергей Федорович, д-р филос. наук, профессор

Сапфирова Аполлинария Александровна, д-р юрид. наук, доцент

Тюпаков Константин Эдуардович, д-р экон. наук, профессор

Халифаева Анжела Курбановна, д-р юрид. наук, профессор

Харченко Игорь Яковлевич, д-р техн. наук, профессор

Башкатов Вадим Викторович, канд. экон. наук, доцент

Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК

Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент

Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент

Масленникова Людмила Владимировна, канд. юрид. наук, доцент ВАК

Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент

Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук

Нетишинская Любовь Фёдоровна, канд. юрид. наук, доцент

Франциско Ольга Юрьевна, канд. экон. наук, доцент

Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики

Казарян Эдуард Сергеевич (Армения), д-р экон. наук, профессор

Трясунова Ольга Евгеньевна (Беларусь), старший преподаватель экономического факультета Белорусского государственного университета

Помощник главного редактора: **Нешко Екатерина Максимовна**

Младшие редакторы: **Гудзенко Полина Руслановна**, **Фруслов Данил Геннадьевич**

Editorial Staff

Editor-in-Chief:

Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:

Adamenko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Economics, professor

Burda Aleksey Grigoryevich, Doctor of Economics, professor

Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK¹ professor

Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor

Dikayev Salmat Umarovich, Doctor of Law, professor

Kurdyuk Petr Mikhaylovich, Doctor of Law, professor

Mamitova Nataliya Viktorovna, Doctor of Law, professor

Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor

Samoylov Sergey Fedorovich, Doctor of Philosophy, professor

Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor

Tyupakov Konstantin Eduardovich, Doctor of Economics, professor

Khalifayeva Anzhela Kurbanovna, Doctor of Law, professor

Kharchenko Igor Yakovlevich, Doctor of Technical Sciences, professor

Bashkatov Vadim Viktorovich, Candidate of Economics, assistant professor

Yenikeev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor

Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor

Kondratyeva Tatyana Sergeyevna, Candidate of Philology, assistant professor

Maslennikova Lyudmila Vladimirovna, Candidate of Law, VAK assistant professor

Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor

Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law

Netishinskaya Lyubov Fedorovna, Candidate of Law, assistant professor

Frantsisko Olga Yuryevna, Candidate of Economics, assistant professor

Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics

Eduard Ghazaryan (Armenia), Doctor of Economics, professor

Tryasunova Olga Yevgenyevna (Belarus), senior lecturer of the Faculty of Economics of the Belarusian State University

Assistant Editor-in-Chief: Neshko Yekaterina Maksimovna

Junior editors: Gudzenko Polina Ruslanovna, Fruslov Danil Gennadyevich

¹Higher Attestation Commission (Russian: Высшая аттестационная комиссия, ВАК)

Содержание

Батаев А. В.

Оценка эффективности облачной автоматизированной банковской системы (стр. 8–13)

Гунай А. Ч.

К вопросу об ответственности за пропаганду отказа от вакцинации (стр. 14–22)

Ембулаева Н. Ю., Багирян А. Г.

Глобализационные процессы и их влияние на национальные правовые системы (стр. 23–29)

Иваненко А. В., Малкова Ю. А.

Историко-правовой анализ формирования советской пенитенциарной системы (1937–1941 гг.) (стр. 30–39)

Лаврентьева И. А.

Проблемы квалификации неоконченного преступления (стр. 40–47)

Нешко Е. М.

Взаимоотношение международного частного и национального права в сфере регулирования трудовых отношений трудящихся-мигрантов (стр. 48–57)

Погосян Р. Р.

Особенности разработки бизнес-плана предприятия (стр. 58–63)

Равочкин Н. Н.

Раскрытие сущности права через обращение к современным социально-философским концепциям (стр. 64–71)

Руденко Е. Ю.

К дискуссии об электронном лице как о возможном субъекте права (стр. 72–78)

Саакян М. А.

Нотариальное удостоверение сделок в электронной форме (стр. 79–85)

Савицкая А. А., Кудрявцева Л. В.

Договорные отношения в процедуре суррогатного материнства (стр. 86–92)

Сапронов И. И., Седова Н. А.

Свободное использование произведений, находящихся в общественном достоянии
(стр. 93–98)

Table of Contents

Batayev A. V.

Evaluation of the effectiveness of a cloud automated banking system (pp. 8–13)

Gunai A. Ch.

On the issue of responsibility for promoting refusal to vaccination (pp. 14–22)

Embulaeva N. Yu., Bagiryan A. G.

Globalization processes and their impact on national legal systems (pp. 23–29)

Ivanenko A. V., Malkova Yu. A.

Historical and legal analysis of formation of the soviet penential system (1937-1941) (pp. 30–39)

Lavrentyeva I. A.

Unfinished crime qualification issues (pp. 40–47)

Neshko Ye. M.

The interrelationship between international private and national law in the regulation of labor relations of migrant workers (pp. 48–57)

Pogosyan R. R.

The features of business plan development of enterprise (pp. 58–63)

Ravochkin N. N.

Law essence disclosure through the appeals to modern socio-philosophical conceptions (pp. 64–71)

Rudenko Ye. Yu.

To the discussion of the electronic individual as a possible subject of law (pp. 72–78)

Saakyan M. A.

Notarial certification of transactions in electronic form (pp. 79–85)

Savitskaya A. A., Kudryavtseva L. V.

Contractual relations in the procedure of surrogate motherhood (pp. 86–92)

Sapronov I. I., Sedova N. A.

Free use of works in the public domain (pp. 93–98)

УДК/UDC 336

Оценка эффективности облачной автоматизированной банковской системы

Батаев Алексей Владимирович

кандидат технических наук, доцент

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

г. Санкт-Петербург, Россия

e-mail: bat_a68@mail.ru

SPIN-код: 1061-0409

Аннотация

На современном этапе формируется одна из самых перспективных форм использования облачных вычислений в финансовой сфере — облачные автоматизированные банковские системы, формирующие новую парадигму в сфере управления финансовым институтом. В статье проводится исследование в области экономической эффективности облачной банковской системы по сравнению с традиционной автоматизированной банковской системой.

Ключевые слова: менеджмент информационных технологий, инновации, облачные вычисления, финансовые институты, облачные автоматизированные банковские системы.

Evaluation of the effectiveness of a cloud automated banking system

Batayev Aleksey Vladimirovich

Candidate of technical sciences, associate professor

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

St. Petersburg, Russia

e-mail: bat_a68@mail.ru

SPIN code: 1061-0409

Abstract

At the present stage, one of the most promising forms of using cloud computing in the financial sphere called cloud-based automated banking systems is forming, making a new paradigm in the field of financial institution management. The author conducts research in the field of economic efficiency of the cloud banking system in comparison with the traditional automated banking system.

Key words: information technology management, innovation, cloud computing, financial institutions, cloud automated banking systems.

Современное экономическое развитие характеризуется широким внедрением информационно-коммуникационных технологий, которые проникли во все сферы экономики. Сегодня целые сектора экономического развития подвергаются цифровой трансформации. Индустрия 4.0 в промышленности, финтех в банковской сфере — яркое тому подтверждение. На сегодняшний день одним из инновационных направлений в сфере информационно-коммуникационных технологий являются облачные вычисления, позволяющие обеспечить новые формы управления и взаимодействия между участниками экономического развития. Одними из лидеров в сфере внедрения и использования облачных технологий являются финансовые институты, использующие их для тестирования новых продуктов, для бизнес-приложений, а также для обработки и хранения данных [1–3].

В последние несколько лет используется еще одно направление в сфере облачных технологий — применение облачных автоматизированных банковских систем в финансовых институтах. Возможность внедрения облачных систем управления в кредитные организации позволяет значительно снизить нагрузку на ведение бизнеса за счет уменьшения издержек на информационные технологии, что является очень важным в современных экономических условиях [1–4].

Одной из основных задач при внедрении инновационных проектов является оценка их экономической эффективности.

Оценку эффективности облачной автоматизированной банковской системы можно провести в сравнении с традиционной банковской системой. При этом в качестве сравнительного показателя рассмотрим оценку эффективности инвестирования денежных средств в облачную систему.

Рассмотрим инвестиционный проект по внедрению облачной автоматизированной системы. Основным показателем эффективности инвестиционного проекта является показатель NPV — чистая приведенная стоимость проекта, которая рассчитывается по следующей формуле [3–6]:

$$NPV = \sum_{t=0}^T \frac{cF_t}{\prod_{i=0}^t (1+r_i)} - \sum_{t=0}^t \frac{I_t}{\prod_{i=0}^t (1+r_i)} = \sum_{t=0}^T \frac{NCF_t}{\prod_{i=0}^t (1+r_i)} (1),$$

где

T — количество плановых временных промежутков реализации инвестиционного проекта,

NCF_t — чистый денежный поток в период времени t ,

r — ставка дисконтирования.

Показатель NPV для внедрения инвестиционного проекта для облачной АБС можно определить по следующей формуле [5–9]:

$$NPV = \sum_{t=0}^T \frac{NCF_{tobl}}{\prod_{i=0}^t (1+r_i)} (2),$$

где

NCF_{tobl} — чистый денежный поток для облачной АБС в период времени t .

Тогда NPV инвестиционного проекта можно определить по следующей формуле:

$$NPV = \sum_{t=0}^T \frac{(C_{optr} - C_{opobl}) * N_{opt}}{\prod_{i=0}^t (1+r_i)} (3),$$

где

C_{optr} — стоимость одной операции, выполненной в облачной автоматизированной системе,

C_{opobl} — стоимость одной операции, выполненной в традиционной автоматизированной банковской системе,

N_{opt} — количество операций, выполненных в плановый период.

Стоимость операций в облачной автоматизированной банковской системе можно выразить по следующей формуле:

$$C_{opobl} = C_{optr} / K_{obl/tr}(4),$$

где

$K_{obl/tr}$ — коэффициент, уменьшающий стоимость выполняемой операции в облачной автоматизированной банковской системе по сравнению с традиционной.

Коэффициент $K_{obl/tr}$ является величиной, зависящей от коэффициента K_{int} , определяющего удачность интегрирования облачной автоматизированной банковской системы с существующей банковской инфраструктурой. Данный коэффициент по статистическим данным находится в диапазоне от десяти до восьмидесяти процентов. Зависимость этих коэффициентов представлена на рисунке 1.

График зависимости $K_{obl/tr}$ от коэффициента интегрированности облачной автоматизированной банковской системы с существующей инфраструктурой

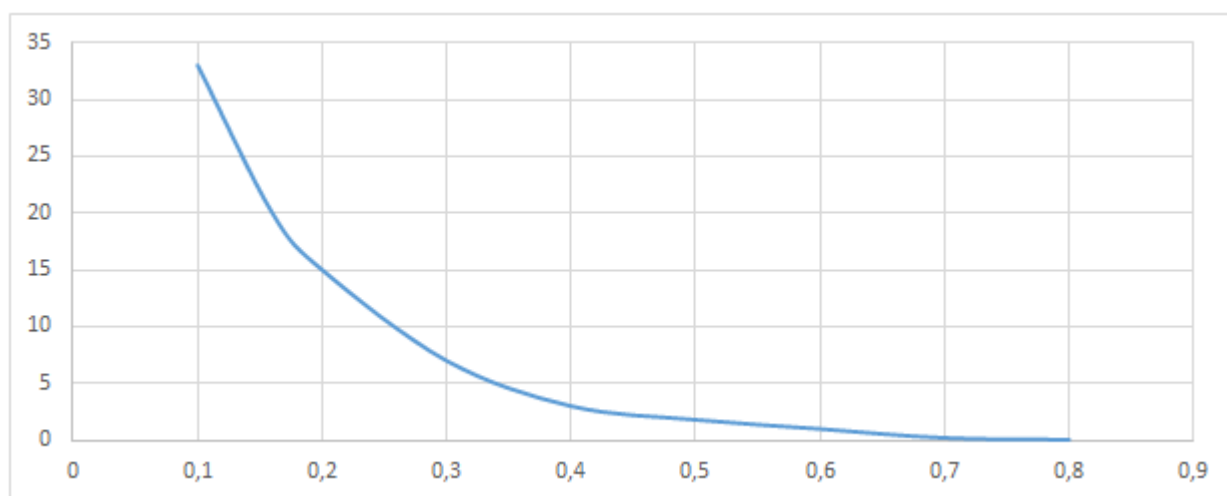

Рисунок 1

Аппроксимация представленного графика дает следующую зависимость:

$$K_{obl/tr} = 92.1 * e^{-8,6 * K_{int}(5)},$$

Тогда NPV для инвестиционного проекта по внедрению облачной автоматизированной банковской системы можно определить по следующей формуле:

$$NPV = \sum_{t=0}^T \frac{(C_{opttr} - C_{opttr}/92.1 * e^{-8,6 * K_{int}}) * N_{opt}}{\prod_{i=0}^t (1 + r_i)} (6),$$

Моделирование показывает, что NPV проекта по внедрению облачной автоматизированной банковской системы будет положительным, если коэффициент интегрирования K_{int} будет меньше 50%. В этом случае облачная автоматизированная банковская система будет более эффективной, чем традиционная АБС.

Список литературы

1. Орлов П. А. Сравнительный анализ эффективности использования современных облачных хранилищ // Молодой ученый. 2017. № 20. С. 154-156. URL <https://moluch.ru/archive/154/43468/> (дата обращения: 15.09.2019).
2. Экономика облачных вычислений. URL: <https://creativeconomy.ru/lib/4312> (дата обращения: 15.09.2019).
3. Оценка эффективности внедрения в деятельность организации облачных технологий на основе упрощенной методики расчета совокупной стоимости владения. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39558> (дата обращения: 15.09.2019).
4. Технология облачных вычислений. URL: <http://mirtelecoma.ru/magazine/elektronnaya-versiya/31/> (дата обращения: 15.09.2019).
5. Эффективность использования облачных вычислений: методы и модели оценки. URL: https://aldebaran.ru/author/v_maksimov_k/kniga_yeffektivnost_ispolzovaniya_oblachnyih_v/ (дата обращения: 15.09.2019).
6. Обоснование эффективности использования облачных технологий. URL: <http://journal.itmane.ru/node/649> (дата обращения: 15.09.2019).
7. Эффективность внедрения облачных технологий. URL: <http://technology.snauka.ru/2015/04/5990> (дата обращения: 15.09.2019).
8. Асланов Ш. С. Облачные технологии в банковской сфере / Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: сб. ст. по мат. XXXI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 4(31). URL: [http://sibac.info/archive/economy/4\(31\).pdf](http://sibac.info/archive/economy/4(31).pdf) (дата обращения: 15.09.2019).

9. Как использовать «облака» в банках. URL: http://www.cnews.ru/articles/kak_ispolzovat_oblaka_v_bankah_13_idey (дата обращения: 15.09.2019).

References

1. Orlov P. A. Comparative analysis of the effective use of modern cloud storage // Molodoy uchenyy — 2017. — No 20. — P. 154-156. — URL: <https://moluch.ru/archive/154/43468/> (date of the request: 15.09.2019).
2. Economic of cloud computing. Access mode — URL: <https://creativeconomy.ru/lib/4312> (date of the request: 15.09.2019).
3. Evaluation of the effectiveness of the implementation in the organization of cloud technologies based on the simplified methods of total cost calculation of possession. Access mode — URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39558> (date of the request: 15.09.2019).
4. Technology of cloud computing. Access mode — URL: <http://mirtelecoma.ru/magazine/elektronnaya-versiya/31/> (date of the request: 15.09.2019).
5. The effective use of cloud computing: methods and models of evaluation. Access mode — URL: https://aldebaran.ru/author/v_maksimov_k/kniga_yeffektivnost_ispolzovaniya_oblachnyih_v/ (date of the request: 15.09.2019).
6. The justification of effective use of cloud technologies. Access mode — URL: <http://journal.itmane.ru/node/649> (date of the request: 15.09.2019).
7. The effectiveness of the cloud technologies implementation. Access mode — URL: <http://technology.snauka.ru/2015/04/5990> (date of the request: 15.09.2019).
8. Aslanov Sh. S. The cloud technologies in the banking sphere / Students' science community of XXI century. Economic sciences: the collection of articles on the XXXI students mathematical international scientific and practice conference № 4(31). URL: [http://sibac.info/archive/economy/4\(31\).pdf](http://sibac.info/archive/economy/4(31).pdf) (date of the request: 15.09.2019).
9. How to use clouds in banks. Access mode — URL: http://www.cnews.ru/articles/kak_ispolzovat_oblaka_v_bankah_13_idey (date of the request: 15.09.2019).

УДК/UDC 343.2/.7

К вопросу об ответственности за пропаганду отказа от вакцинации

Гунай Аминат Чемалевна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

Краснодар, Россия

e-mail: aminat141098@gmail.com

Аннотация

Автор в статье анализирует складывающуюся в рамках современных реалий необходимость принятия норм, регулирующих ответственность за пропаганду отказа от вакцинации. В рамках проводимого исследования раскрывается понятие пропаганды, осуществляется анализ предпосылок, формирующих необходимость реагирования законодателя путем введения санкций за пропаганду отказа от вакцинации. Автором приведено обоснование потребности введения уголовной, а не иных видов ответственности, а также аргументировано выделения специального, а не общего субъекта в рамках рассматриваемого преступления. В статье приведены статистические данные, мнения представителей отечественного медицинского сообщества, которые могут быть рассмотрены в качестве аргументов в поддержку точки зрения автора. Результатом проведенного исследования является предложенный автором для внесения в Уголовный кодекс Российской Федерации состав преступления.

Ключевые слова: вакцинация, права граждан, пропагандистская деятельность, поствакцинальные осложнения, медицинские работники.

On the issue of responsibility for promoting refusal to vaccination

Gunai Aminat Chemalevna

Student of the faculty of law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: aminat141098@gmail.com

Abstract

The author analyzes the need for the adoption of standards within the framework of modern realities to adopt rules governing the responsibility for promoting refusal to vaccination. The research in the article reveals the concept of propaganda and carries out an analysis of the prerequisites that form the need for the lawmaker to respond by imposing sanctions for the promotion of refusal of vaccination. The author justifies the need for introducing criminal, and not other types of liability, and also argues for the allocation of a special, and not a common subject within the framework of the crime in question. The article provides statistical data, opinions of representatives of the domestic medical community, which can be considered as arguments in support of the author's opinion. The result of the study is an offence proposed by the author for inclusion in the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: vaccination, citizens' rights, advocacy, post-vaccination complications, medical workers.

Вопросы, возникающие в такой узконаправленной отрасли права, как медицинское право, всегда имели особое значение. Актуальность проблем указанной правовой отрасли не снижается, а лишь растет на протяжении многих лет.

С одной стороны, данный факт обусловлен сложностью предмета охраняемых отношений. Правовая оценка и разрешение правонарушений, связанных со здоровьем граждан, требуют наличия у правоприменителя обширных специальных знаний в области медицины, что существенно затрудняет реализацию права граждан на получение правовой помощи и поддержки в области здравоохранения. С другой стороны, затрудняет разрешение правовых споров в сфере медицинских услуг двойственность рассматриваемых отношений, объясняемая тем, что зачастую достаточно сложно определить, что права были нарушены в результате совершения противоправных действий и подлежат защите и восстановлению. Одно деяние может повлечь общественно опасные последствия как для конкретного лица, так и для медицинского работника, а в ряде случаев и для общества в целом.

Наиболее часто вышеуказанные сложности возникают в связи с реализацией права граждан на отказ от вакцинации. Согласно ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (далее — Закон о профилактике) «...граждане при осуществлении иммунопрофилактики имеют право на отказ от профилактических прививок» [1].

Однако ч.2 указанной статьи предусматривает для лиц, отказавшихся от профилактических прививок, различные ограничения и запреты. По данному вопросу нельзя не согласиться с мнением С. Г. Стеценко, Н. Г. Гончарова и др., подчеркивающих, что несмотря на то, что отказ от вакцинации является правом граждан, у государства в приоритете должна находиться защита интересов общества, чем и обусловлено введение ограничений для лиц, отказывающихся от вакцинации, установленных ч. 2 ст. 5 Закона о профилактике [2].

Тем не менее несмотря на установленные ограничения, все большую популярность в России приобретает движение так называемых антипрививочников. Общественная опасность деятельности указанной социальной группы выражается в проведении масштабной пропаганды отказа от профилактических прививок как правило посредством размещения материалов, вводящих в заблуждение относительно состава иммунобиологических лекарственных препаратов и тяжести поствакцинальных осложнений. В частности, пропагандистская деятельность противников иммунопрофилактических прививок привела к росту заболеваемости за период с января по декабрь 2018 года такими заболеваниями, как:

- 1) коклюш (в 1,9 раз),
- 2) корь (в 3,5 раза) [3].

Как отмечает старший научный сотрудник отделения вакцинопрофилактики детей с отклонениями в состоянии здоровья отдела стандартизации и клинической фармакологии ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» Минздрава России, к.м.н. Марина Федосеенко: «Одной из самых серьезных проблем в настоящее время является эпидемия кори. Если в России в эпидемию вовлечен только ряд регионов, Москва, Московская область

и республики Северного Кавказа, то в Европе с 2010 года количество заболевших исчисляется сотнями тысяч. Мы теряем взрослых и детей от той инфекции, которую, по глобальной стратегии ВОЗ, должны были к 2015 году элиминировать. В результате снижения охвата профилактическими прививками населения мы пришли к тому, что люди гибнут от инфекции, которую легко можно предотвращать. В связи со сложившейся ситуацией некоторые европейские государства один за другим принимают законы, ограничивающие в правах родителей, настойчиво отказывающихся от вакцинации. Опасность близко, но наши соотечественники не задумываются об этом и продолжают отстаивать якобы свои права на то, чтобы не прививать своих детей, если этого не хотят» [4].

Однако, на наш взгляд, наибольшую опасность представляет пропагандистская деятельность лиц, оказывающих медицинские услуги, в частности врачей-педиатров, призывающих отказаться от проведения иммунопрофилактики инфекционных болезней, порядок которой установлен Национальным календарем профилактических прививок [5].

Повышенная общественная опасность деятельности указанных лиц по призыву к отказу от профилактических прививок связана, прежде всего, с повышенным уровнем доверия граждан к мнению лиц, имеющих медицинское образование и осуществляющих предоставление медицинских услуг. Медицинские работники, по мнению большинства граждан, обладают достаточной информацией о вреде и пользе прививок, что влечет за собой формирование мнения о правильности и обоснованности утверждений указанных лиц об опасности введения в организм иммунобиологических лекарственных препаратов. Авторитетность мнения лица, имеющего медицинское образование и осуществляющего деятельность в области здравоохранения, зачастую имеет решающее значение в принятии решения об отказе от иммунопрофилактики.

Следовательно, на наш взгляд, целесообразно введение в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи, предусматривающей для медицинских работников ответственность за ведение среди населения пропаганды отказа от прививок [6].

Прежде всего необходимо определить содержание понятия «пропаганда». Понятие «пропаганда» не раскрывается в нормативно-правовых актах Российской Федерации. И. Б. Орлов отмечает, что пропаганда включает в себя следующие действия:

- внедрение в сознание под видом объективной информации неявного, но желательного содержания;
- воздействие на болевые точки общественного сознания, возбуждающее страх, тревогу, ненависть и т.п.;
- реализацию замыслов и скрывааемых целей, достижение которых коммуникант связывает с поддержкой общественным мнением своей позиции [7].

Е. Н. Тонгузаева определяет пропаганду как агитационный материал, содержащий в себе призывы к разжиганию национальных конфликтов, а равно убеждающий в расовом, национальном превосходстве [8].

На основании указанных мнений в рамках рассматриваемого вопроса нами сформулировано следующее понятие пропаганды, отражающее объективную сторону рассматриваемого деяния: «Пропаганда — деятельность лиц, имеющих медицинское образование, а равно осуществляющих деятельность в сфере здравоохранения, по убеждению граждан в неэффективности и/или опасности профилактических прививок путем введения в заблуждение предоставлением информации, не соответствующей действительности и противоречащей официальным данным».

На наш взгляд, целесообразно представление указанного состава преступления как формального, то есть не требующего для привлечения к ответственности наличия общественно-опасного последствия, так как привлечение к ответственности за каждого отказавшегося от прививки гражданина не является разумным, а выявление конкретного медицинского работника, рекомендации которого повлекли за собой рост заболеваемости, не представляется возможным. Кроме того, последствия отказа от вакцинации наносят вред в большей мере государству в целом, чем отдельно взятым лицам.

Субъективная сторона должна характеризоваться прямым умыслом. На практике пропаганда отказа от профилактических прививок, как правило, ведется из «позитивных» побуждений. Лица, призывающие к отказу от вакцинации, зачастую ошибочно убеждены:

- 1) во вреде вводимых препаратов (наличие в них ртути, алюминия, животных белков, негативно влияющих на организм человека);
- 2) в заинтересованности фармакологических компаний в продаже лекарственных средств, предназначенных для создания специфической невосприимчивости к инфекционным заболеваниям;
- 3) во взаимосвязи профилактических прививок и различных заболеваний (аутистические расстройства, задержка психоречевого развития у детей).

Тем не менее умысел субъекта направлен именно на склонение к отказу от профилактических прививок, а не на распространение болезни в обществе или заражении конкретного лица.

Субъект преступления в предлагаемой конструкции новой статьи УК РФ специальный — лицо, имеющее медицинское образование или осуществляющее деятельность в сфере здравоохранения.

Исходя из анализа рассматриваемого деяния, его объективной стороны и степени опасности последствий, мы можем утверждать, что формируемая статья должна содержаться в главе 25 УК РФ. Предлагается разместить ее в указанной главе под номером 237.1, так как между предлагаемым составом и преступлением, предусмотренным ст. 237 УК РФ, прослеживается ряд родственных черт.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о возможности введения административной преюдиции. По нашему мнению, административная преюдиция может быть предусмотрена в ч. 1 предлагаемой статьи УК РФ. Данное решение позволит выявить наиболее активных сторонников «антипрививочного» движения, к которым требуется применение более жестких санкций, послужит еще одним механизмом предупреждения

данных преступлений, а также существенно облегчит работу правоохранительных органов и суда.

Анализируя все вышесказанное, предлагается введение новой статьи в УК РФ в следующем виде:

Статья 237.1. Пропаганда отказа от профилактических прививок.

1. Действия, направленные на склонение к отказу от профилактических прививок лицом, имеющим медицинское образование или осуществляющим деятельность в сфере здравоохранения, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года, — наказываются штрафом в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от шести месяцев до трех лет, либо принудительными работами на срок от одного года до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок от двух до пяти лет.
2. Действия, направленные на склонение к отказу от профилактических прививок лицом, имеющим медицинское образование или осуществляющим деятельность в сфере здравоохранения, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, лицом с использованием своего служебного положения или организованной группой, — наказываются штрафом в размере от трехсот тысяч до миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет, либо принудительными работами на срок от двух до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельно-

стью на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок от трех до шести лет.

Список литературы

1. Об иммунопрофилактике инфекционных болезней: Федеральный закон от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ.
2. Стеценко С. Г., Гончаров Н. Г., Стеценко В. Ю., Пищита А. Н. Медицинское право: Учебник для юридических и медицинских ВУЗов //отв.ред. ПищитаА. Н.М.: РМАПО. 2011. 334 с.
3. Сведения об инфекционных и паразитарных заболеваниях за январь-декабрь 2018г. URL: www.rosпотребнадзор.ru/activities/statistical-materials/statistic_details.php?ELEMENT_ID=11277
4. Добрикова Е. Страх перед вакцинацией основан на предрассудках.URL:<https://www.garant.ru/news/1194351/>
5. Об утверждении национального календаря профилактических прививок и календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 21 марта 2014 г. № 125н. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996№ 63-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
7. Орлов И. Б. От какого наследства мы отказываемся? (Сущность и механизмы пропаганды) // Вопросы правоведения, М. 2009. № 1. С. 57–66.
8. Тогузаева Е. Н. Пропаганда, агитация и политическая реклама: проблемы и противоречия правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49) декабрь. С. 2742–2745.

References

1. Federal law dated September 17, 1998 federal act No 157 (amended on March 7, 2018) On the immunoprophylaxis of infectious diseases.
2. Stetsenko S. G., Goncharov N. G., Stetsenko V. Yu., Pishchita A.N. Medical law. Textbook for legal and medical universities (second edition supplemented and revised) (editor-in-chief, doctor of medical sciences, doctor of legal sciences A. N. Pishchita). - M.: "RMAPO". 2011.
3. Information on infectious and parasitic diseases for January-December 2018 / www.rosпотребнадзор.ru/activities/statistical-materials/statistic_details.php?ELEMENT_ID=11277

4. Dobrikova E. The Committee Member of the Council of the Federation on Social Policy by Yuri Arkharov: “Fear of vaccination is based on prejudice”, 28. 04. 2018.

5. The order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated March 21, 2014 No 125h «On approval of the national calendar of preventive vaccinations and the calendar of preventive vaccinations according to epidemic indications» (amended on June 16, 2016, April 13, 2017, February 19, 2019 .).

6. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 federal act № 63(amended on April 1, 2019).

7. Orlov I. B. What inheritance do we refuse? (The essence and mechanisms of propaganda) // Questions of jurisprudence, M. 2009. No. 1. p. 57-66.

8. Toguzayev E. N. Propaganda, agitation and political advertising: problems and contradictions of legal regulation // Actual problems of Russian law. 2014. No. 12 (49) December.

УДК/UDC 343

Глобализационные процессы и их влияние на национальные правовые системы

Ембулаева Наталья Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:nembulaeva@mail.ru

Багирян Алла Геворговна

магистр 2 курса факультета заочного обучения

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:gevorg159@mail.ru

Аннотация

В данной статье авторы рассматривают причины глобализации и исследуют вопрос о проявлении глобализационных процессов в правовой сфере жизни общества, отмечают ее влияние на национальные правовые системы, обозначают основные направления воздействия глобализации на национальные правовые системы. Авторы приходят к выводу о невозможности в дальнейшем рассматривать отдельные национальные правовые порядки, поскольку нормы права унифицируются, международные нормы становятся частью национального законодательства, изменяется идеология и методология права. В статье формулируются проблемные вопросы протекания глобализационных процессов в правовой и экономической сферах и определяются пути решения проблем, а также раскрывается вопрос возникновения антиглобализационных движений как стремления к национальному самосохранению. В рамках экономической сферы жизни общества уже разработаны и действуют механизмы, которые призваны минимизировать негативное влияние глобализации на национальные экономики. Предлагается предусмотреть и разработать аналогичные механизмы и для правовой сферы с целью сохранения национального многообразия, культурной идентичности, традиций и обычаев народов.

Ключевые слова: глобализация, глобализационные процессы, национальная правовая система, право, правовая система, экономическая сфера, правовая сфера, унификация.

Globalization processes and their impact on national legal systems

Embulaeva Natalia Yurievna

Assistant professor of the Department of theory and history of state and law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: nembulaeva@mail.ru

BagiryanAllaGevorgovna

Student of the correspondence faculty

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: gevorg159@mail.ru

Abstract

This article discusses the causes of globalization. The author investigates the question of the manifestation of globalization processes in the legal sphere of society and notes its influence on national legal systems. The writer identifies the main directions of the impact of globalization on national legal systems. In the author's opinion, it is impossible to consider further individual national legal orders, because the rules of law are unifying, international norms become part of national legislation and the ideology and methodology of law are changing. The writer have formulated the problem questions of the course of globalization processes in the legal and economic spheres and ways to solve them. He also indicated on the emergence of anti-globalization movements as a desire for national self-preservation. Within the economic sphere of society, there already are mechanisms, which operate and designed to minimize the negative impact of globalization on national economies. In addition, the author proposes to envisage and develop similar mechanisms for the legal sphere, in order to preserve national diversity, cultural identity, traditions and customs of peoples, which makes them unique and inimitable.

Key words: globalization, globalization processes, national legal system, law, legal system, economic sphere, legal sphere, unification.

Глобализационные процессы - это та составляющая современного общества, без которой невозможно существование как нации, так и всего населения земного шара. Они могут быть сравнимы с потребностью в

еде, без них уже немисливо существование, так как экономика, средства массовой информации, финансы и даже право испытывают прямое их воздействие.

Глобализационные процессы стали привлекать внимание общества еще в конце 90-х годов XX века, но до сих пор отсутствует единое мнение о том, что представляет собой глобализация [1]. В связи с этим исследование данного вопроса представляется весьма актуальным.

Ученые рассматривают процесс глобализации с различных сторон. Некоторые специалисты учитывают все ее аспекты - экономические, социальные, культурные, политические, другие же делают основой своего исследования только один аспект. Существует множество точек зрения на природу процесса глобализации: она может быть неизбежная, стихийная или направленная [2].

Можно выделить множество причин глобализации, чаще всего используются и описываются следующие: сокращение природных ресурсов, демографический взрыв, создание оружия массового поражения. То есть именно негативные факторы обуславливают глобализационную тенденцию. Но существуют и положительные аспекты глобализации, которые проявляются в росте производства и экономических показателей. Происходит активное подписание контактов в различных сферах общественной жизни между странами, людям стало проще объединяться для решения задач, реализации проектов. Глобализация включает в себе множество как негативных последствий, так и благ, вытекающих из свободы перемещения капиталов, облегчающих процессы роста и развития в развивающихся странах [3].

В современном мире государствам сложно активно развиваться и получать определенный доход, если нет союзников в мировом сообществе. С другой стороны, становятся менее значимыми традиционные национальные границы, усиливается зависимость стран друг от друга, культурные ценности теряют свое истинное значение, а в некоторых случаях народы теряют свою историю [4]. Эти процессы вызвали к жизни антиглобалистические движения.

Глобализация сопровождается созданием различных отношений и связей в экономической, политической, юридической и информационной сферах, которые требуют решения множества важных вопросов.

Следует отметить, что сегодня термин «глобализация» трактуется по-разному. Но общепризнанным является мнение, что глобализационные процессы оказывают влияние на политическую, социальную, экономическую и культурную сферу. Поэтому, на наш взгляд, можно сделать вывод о том, что глобализация - это комплексное явление, которое охватывает все сферы жизни общества [5].

Влияние глобализационных процессов на национальные правовые системы состоит в следующем: во-первых, национальные правовые системы под влиянием процессов взаимосвязи и взаимозависимости теперь уже перестают выступать как самостоятельные и изолированные. Их следует рассматривать как составляющие одной общей системы [6].

Во-вторых, в том обществе, на которое оказало влияние глобализация, наблюдается игнорирование правовых особенностей каждого государства. Унифицированное право защищает в основном общие потребности объединенных глобализацией обществ, зачастую это приводит к тому, что не всегда удовлетворяются интересы одного или нескольких из них. Наглядный пример данного явления - Европейский Союз, где одни страны-участники процветают, другие же испытывают угнетение и беднеют под воздействием процесса глобализации [7].

В-третьих, глобализация оказывает влияние на методологию и теорию права, а не только на право как определенное явление. Многие авторы при этом говорят о том, что при действии этих процессов возникают новые правовые модели, а старые правовые теории видоизменяются [8]. Новые модели приносят в право иную идеологию, новую методологию познания правовой среды, которая окружает индивида.

В-четвертых, негативным правовым явлением выступает деформация правосознания, поскольку оно страдает из-за особенностей разных правовых систем [9].

В-пятых, формируются надгосударственные контролирующие структуры, такие как Европейский Союз, СНГ, НАТО, ОБСЕ, ООН и другие, которые формируют свои правила поведения, отличные от национальных.

В-шестых, система права как совокупность установленных государством норм [10] становится ориентированной на международные нормы права, что проявляется в основном законе государства, где указывается на верховенство международных правовых норм [11]. Однако на практике оказывается не всегда возможным обеспечить действие подобных норм.

В-седьмых, оказывается значительное влияние на правоприменение, правотворчество. В данном случае имеется в виду широкое вовлечение надгосударственных, межнациональных и региональных институтов в данные виды деятельности [12].

Таким образом, при воздействии глобализационных процессов на национальные правовые системы наблюдаются как положительные тенденции развития права, так и негативные. Для сглаживания возникающих противоречий предлагается ввести определенные ограничения и средства контроля над протеканием глобализации. В экономической сфере они уже имеют место в виде специальных антидемпинговых и компенсационных пошлин. Аналогичные механизмы следует предусмотреть и в правовой сфере с целью защиты национальных интересов и сохранения национального своеобразия.

Глобализация - это такое явление, которое затрагивает каждого индивида, каждую народность, каждое сообщество, каждый регион и каждую страну. Мы должны сформировать те нормы, которые ограничили бы действие глобализации в сферах, которые считаем жизненно необходимыми и важными для нас, для сохранения культурного наследия своей страны. Только в таком случае данный процесс будет иметь положительный характер.

Список литературы

1. Абашидзе А. Х., Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век // Государство и право. 2001. № 10. С. 113.
2. Иванов В. Н. Влияние глобализационных процессов на национальную идентичность на современном этапе // Фундаментальные исследования. 2014. № 8–4. С. 1003–1007.
3. Левкина Т. Глобализация и интеграция: Вопросы теории и практики // Доклад на Международной студенческой научной конференции «Глобализация и право: Общепризнанные принципы и нормы национального законодательства» URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1220803>
4. Тихомиров Ю. А., Пиголкин А. С. Глобализация и развитие законодательства: очерки // М., Издательский дом «Городец», 2004. С. 71–73.
5. Шахрай С. М. Глобализация в современном мире: политико-правовые аспекты // СПб: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2004. С. 75.
6. Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации // М.: Проспект, 2005. 400 с.
7. Нерсесянц В. С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире // Государство и право, 2017. № 5. С. 38–47.
8. У Греции самый высокий госдолг в Евросоюзе // Вести. Экономика. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/105623>
9. Поленина С. В. Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика // М., 2016. С. 21.
10. Основы права: учебник // Л. И. Гущина [и др.]. Краснодар: КубГАУ, 2015. 291 с.
11. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 августа 2014 г. № 31, ст. 4398.
12. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник // М., 2006. 240 с.
13. История государства и права зарубежных стран: Учебник для бакалавров // отв. ред. Е. В. Елифанова. Краснодар, 2017. 355 с.

References

1. Abashidze A. Kh., Lukashuk I. I. Globalization, government, law, XXI century // Government and law. 2001. No 10. P. 113.
2. Ivanov V. N. The impact of globalization processes on the national identity at the present time // Fundamental research. 2014. No 8-4. P. 1003-1007.

3. Levkina T. Globalization and integration: The questions of theory and practice: The report of the International student's scientific conference on Globalization and law:: The generally accepted principles and norms of national legislation / Electronic resource. – Access mode: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1220803>
4. Tikhomirov Yu. A. // The globalization and development of legislation: Essays / Executive editor Yu. A. Tikhomirov, A. S. Pigolkin– M.:ACS «Publishing house «Gorodets», 2004. P.71–73.
5. Shakh-ray S. M. Globalization in the modern world: political and law aspects. Saint Petersburg: The Fund of the science and education in the field of law enforcement «University», 2004. P.75.
6. Marchenko M. N. Government and law under globalization. – M.: Prospekt, 2005. – 400 p.
7. Nersesyants V. S. The processes of law universalization and governments in a globalizing world // Government and law. - 2017. No 5. P. 38-47.
8. Moskovichi: Greece has the biggest national debt in the European Union [Electronic resource] // URL:<https://www.vestifinance.ru/articles/105623>.
9. The legal system in Russia und globalization and region integration: theory and practice / Executive editor S. V. Polenina. - M., 2016. P. 21.
10. Fundamentals of law: textbook / L. I. Gushchina [and other] // – Krasnodar: Kubsau, 2015. - 291 p.
11. The Constitution of the Russian Federation (as amended in 21 July 2014) // The collection of Russian Federation legislation dated 4 August 2014 № 31,article 4398.
12. Saidov A. X. Comparative Law (modern principal legal systems): textbook. M., 2006. – 240 p.
13. The history of government and law of foreign countries: Textbook for bachelors / Executive editor Ye. V. Yepifanova – Krasnodar, 2017. - 355 p.

УДК/UDC 343.8

Историко-правовой анализ формирования советской пенитенциарной системы (1937-1941 гг.)

Иваненко Анна Владиславовна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории
государства и права

Сочинский филиал ФГБОУ ВО Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)

г. Сочи, Россия

e-mail: ivanenko2510@mail.ru

SPIN-код: 4784-9912

Малкова Юлия Александровна

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и
права

Сочинский филиал ФГБОУ ВО Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)

г. Сочи, Россия

e-mail: malkov01@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматривается историческая ретроспектива формирования нормативно-правовой базы, регламентирующей период формирования пенитенциарной системы в предвоенные годы. Проводится анализ статистических показателей осужденных, содержащихся в местах лишения свободы. Исследуются особенности статуса военнопленного и основания признания им. Систематизируются элементы советской пенитенциарной системы: тюрьмы, исправительно-трудовые колонии, исправительно-трудовые лагеря, трудовые воспитательные колонии для несовершеннолетних, детские приемники-распределители, лагеря для военнопленных, спецлагеря и спецгоспитали, которые находились в составе уголовно-исполнительной системы НКВД СССР. Определяются цели создания и функционирования каждого из них – от изоляции, обучения и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей до лишения свободы и принудительных работ с исправительно-трудовым воздействием или смертной казни. Выводы содержат оценку разумности и эффективности сфор-

мированной на начальном этапе функционирования системы пенитенциарных учреждений.

Ключевые слова: пенитенциарная система, уголовно-исполнительная система, директивы, постановления СНК.

Historical and legal analysis of formation of the soviet penential system (1937-1941)

Ivanenko Anna Vladislavovna

Candidate of Law Sciences, associate professor, manager of the Department of the theory and history of state and law

Sochi branch of Aii-Russian State University of Justise (RPA of the Ministry of Justice of the Russia)

Sochi, Russia

e-mail: ivanenko2510@mail.ru

SPIN-код: 4784-9912

Malkova Ylia Aleksandrovna

Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of the theory and history of state and law

Sochi branch of Aii-Russian State University of Justise (RPA of the Ministry of Justice of the Russia),

Sochi, Russia

e-mail: malkov01@rambler.ru

Abstract

The article discusses the historical retrospective of the formation of the regulatory framework governing the period of the formation of the prison system in the prewar years. The analysis of statistical indicators of prisoners held in places of deprivation of liberty is carried out. The features of the status of a prisoner of war and the grounds for recognizing him are investigated. The elements of the Soviet penitentiary system are systematized: prisons, forced labor colonies, forced labor camps, labor educational colonies for minors, detention centers for children, prisoner of war camps, special camps and special hospitals that were part of the criminal-executive system of the NKVD of the USSR. The goals of the creation and functioning of each of them are determined - from isolation, training and re-education of juvenile offenders to imprisonment and forced labor with corrective labor

exposure or the death penalty. The findings contain an assessment of the reasonableness and effectiveness of the prison system formed at the initial stage of functioning.

Key words: penitentiary system, penal system, directives, decisions of the Council of People's Commissars.

Пенитенциарная (уголовно-исполнительная) (пер. с лат. poenitentia – раскаяние) советская система включала в себя содержание подсудимых, исполнение наказания (связанного с лишением свободы или смертной казнью), а также осуществление профилактики преступности среди населения, особенно молодежи. К уголовно-исполнительной системе относились и образованные на территории страны в годы Великой Отечественной войны лагеря для военнопленных немецкой и японской армий, спецгоспиталь и спецлагерь НКВД СССР.

Нельзя не согласиться с профессором Н.А. Морозовым, что по существу немцы и их союзники, попавшие в русский плен, были лишены статуса военнопленных [1, с. 108]. Фактические пленные считались военными преступниками, которые наравне с уголовными и политическими преступниками находились в уголовно-исполнительных учреждениях. Бывшие военнослужащие вражеских армий лишались свободы за нарушение законов и обычаев войны, за проведение в тылу Красной Армии шпионской, диверсионной и террористической деятельности и совершение общеуголовных преступлений в лагерях.

Следует подчеркнуть, что тюрьмы, исправительно-трудовые колонии, исправительно-трудовые лагеря, трудовые воспитательные колонии для несовершеннолетних, детские приемники-распределители, лагерь для военнопленных, спецлагеря и спецгоспитали находились в составе НКВД СССР и входили в общую советскую пенитенциарную систему.

Все объекты пенитенциарной системы являлись местами принудительного заключения. Основным положением советской пенитенциарной политики являлась идея исправления осужденного с помощью общественно полезного труда.

С помощью принудительного труда пытались исправить лиц, вступивших на преступный путь, создавать необходимые стране экономические объекты. Даже в детских приемниках-распределителях, где находились беспризорные и безнадзорные дети, упор в работе делался на развитии трудовой деятельности и дальнейшем трудоустройстве на предприятия страны.

Как отмечает В. Н. Бубличенко в своей кандидатской диссертации «Детские закрытые учреждения НКВД-МВД СССР на Европейском Севере России: 1935-1956 гг.», детские закрытые учреждения являлись составной частью советской пенитенциарной системы. Детские закрытые учреждения (куда входили детские приемники-распределители и детские воспитательно-трудовые колонии) были составной частью пенитенциарной системы, организация, комплектование и деятельность которой осуществлялись через органы Наркомата внутренних дел СССР. Под детскими приемниками-распределителями понимались структурные подразделения НКВД-МВД СССР, занимавшиеся приемом с последующим распределением и передачей в соответствующие государственные учреждения или на воспитание в семьи беспризорных и безнадзорных детей. Детскими воспитательно-трудовыми колониями являлись специальные структурные подразделения уголовно-исполнительной системы НКВД-МВД СССР, занимающиеся изоляцией, обучением и перевоспитанием несовершеннолетних правонарушителей [2, с. 4].

Советская пенитенциарная система состояла из:

- 1) тюремной системы;
- 2) исправительно-трудовых лагерей и исправительно-трудовых колоний;
- 3) детских приемников-распределителей (ДПР) и трудовых воспитательных колоний (ТВК) для несовершеннолетних;
- 4) лагерей для военнопленных, спецлагерей (проверочно-фильтрационных лагерей) и спецгоспиталей НКВД СССР.

Исполнительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. сформулировал требования о необходимости соединения наказания в виде лишения сво-

боды и принудительных работ с исправительно-трудовым воздействием. Приобщение осужденных к правилам социалистического общежития мыслилось в соблюдении режима, трудовой дисциплины, активном участии в культурно-воспитательных мероприятиях. В правовую базу пенитенциарной системы советского государства было включено постановление СНК СССР от 7 апреля 1930 г. об утверждении «Положения об исправительно-трудовых лагерях», ставшее основой для формирования лагерной системы.

Карательная уголовная политика советского государства в 30-е гг. представляла собой ужесточение наказания к лицам, совершившим преступления. Принятый в 1933 г. новый ИТК РСФСР отличался большей суровостью и жесткостью, чем предыдущий кодекс 1924 г. [3, с. 215].

7 апреля 1935 г. принимается закон «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». На его основании несовершеннолетние с 12-летнего возраста, уличенные в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству, могли привлекаться к уголовному наказанию.

Нормативно-правовые источники предвоенного времени сформулировали цели исправительно-трудовой политики:

1. Ставить осужденных в условия, преграждающие им возможность совершения действий, наносящих ущерб социалистическому строительству.
2. Перевоспитывать заключенных, направляя их труд на общепользные цели и организуя его на началах постепенного приближения от принудительного к труду добровольному на основе соцсоревнования и ударничества.

Становление уголовно-исполнительной системы совпало с массовыми репрессиями, что способствовало переполнению заключенными тюрем, исправительно-трудовых колоний и лагерей. Российский историк В. Н. Земсков подсчитал, что с 1 января 1937 г. по 1 января 1939 г. контингенты лагерей и колоний выросли с 1,2 до почти 1,7 млн. человек. В тюрьмах на 1 января 1939 г. числилось 350 тыс. заключенных. В ян-

варе 1940 г. в лагерях ГУЛАГа содержалось 1 334 408 заключенных, в колониях – 315 584 и в тюрьмах – 190 266 человек. Всего в лагерях, колониях и тюрьмах находилось тогда 1 850 258 заключенных [4, с. 70]. Советский исследователь В. А. Чаликова отмечала, что «... в 1937-1950 гг. в лагерях, занимавших огромные пространства, находилось 8-12 млн. человек» [5, с. 158].

Комиссар государственной безопасности СССР Н. И. Ежов, выступая в г. Горьком в 1937 г., заявил: «Товарищи, борьба еще не кончена. На нашем пути встретится еще немало трудностей. Не надо забывать, что наша страна находится во враждебном капиталистическом окружении. . . чем сильнее мы становимся, чем мы становимся богаче, тем больше злобы мы вызываем у оголтелой своры, фашиствующей буржуазии, которая . . . засылает к нам пачками шпионов, диверсантов и вредителей» [6].

Только за 1937-1938 гг. по политическим статьям было арестовано 1,5 млн. человек. Из них 1 344 923 человек были осуждены за контрреволюционные преступления, половина из них приговорена к высшей мере наказания [7, с. 318].

В 1937-1938 гг. в крае на тюремные нары попадали люди, невзирая на преклонный возраст, болезни или былые заслуги перед Советской властью. В 1937 г. был арестован ветеран революции 1905 г. Порфирий Семьянов, умерший в камере следственной тюрьмы через две недели. Смертным приговором закончились следственные действия в отношении 72-летнего Василия Яковлевича Бирюкова.

Львиную долю всех решений внесудебного органа по уголовным делам в 1937-1938 гг. составляли смертные приговоры или значительные сроки изоляции. В особые тройки входили: первый секретарь ВКП(б), начальник управления НКВД, председатель краевого совета народных депутатов.

Допросы проходили часто ночами, следователи меняли друг друга, чтобы «сломать» свои жертвы. Нередко применялось физическое воздействие (например, избивание мешком, наполненным песком, после чего не оставалось следов побоев).

Репрессиям подвергались и семьи осужденных «врагов народа», наказание распространялось на их жен и детей. Усилило уголовную ответственность за антисоветскую деятельность постановление ЦИК СССР от 2 октября 1937 г., где были повышены максимальные сроки наказания от 10 до 25 лет лишения свободы за такие преступления, как шпионаж, террор и диверсии.

Директивой НКЮ СССР № 13с от 15 апреля 1938 г. «О квалификации контрреволюционных террористических высказываний» была усилена уголовная ответственность за высказывания, содержавшие террористические намерения в отношении руководителей партии и правительства. Такие дела предписывалось квалифицировать «политически правильно» и применять вместо п. 10 (агитация и пропаганда) п. 8 (терроризм) ст. 58 УК РСФСР, предусматривавший в отличие от п. 10 в качестве меры наказания расстрел [8, с. 390].

В 1940 г. Указ Верховного Совета СССР запретил рабочим оставлять или менять место работы. Нарушителям грозило тюремное заключение от 2-х до 4-х месяцев. Прогул или отсутствие на работе 20 минут мог послужить отправке до 6 месяцев в исправительно-трудовые лагеря. По этому указу было осуждено около 3 млн. Человек [9, с.195].

В 1937 г. параллельно с политическими репрессиями проводилась и зачистка уголовного мира, представителей «социально вредного и деклассированного элемента». Задерживались уже отбывшие наказание уголовные преступники, лица без постоянного места жительства, не имевшие паспорта, нищие, бродяги на основании циркуляра НКВД СССР № 61 от 7 августа 1937 г. Все эти лица подлежали аресту и должны быть направлены в места, где должны заниматься общественно полезным трудом.

Окончание периода «большого террора 1937-1939 гг.» было связано с изданием секретного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» [10, с. 308], где отмечалось, что при ведении следственных мероприятий часто происходило нарушение социалистической законности.

В целом репрессии в СССР, продолжавшиеся вплоть до смерти Сталина в марте 1953 г., имели циклический характер, то нарастая, то затухая, затронувшие все группы населения советского государства. В 1940 г. снова начались массовые аресты, 560 тыс. з/к пополнили тюрьмы, лагеря и колонии страны. Всего накануне войны в ГУЛАГе числилось 3 млн. 350 тыс. человек, подвергшихся различным видам наказания [11, с. 55].

Система мест заключения в довоенный период (1937-1941 гг.) включала в себя: тюрьмы, исправительно-трудовые лагеря, исправительно-трудовые колонии, исправительно-трудовые лагеря.

Таким образом, одним из основных принципов действия пенитенциарной политики было стремление к полной самокупаемости мест заключения и перевоспитанию заключенных с помощью трудовой деятельности. Действие пенитенциарной системы представляло собой содержание подсудимых в местах исполнения наказания с лишением свободы (в тюрьмах, ИТК, ИТЛ), применение высшей меры наказания – расстрела, а также осуществление профилактики преступности, особенно среди несовершеннолетних путем создания ДПР. Появление и развитие ИТК и ИТЛ было обусловлено как избытком заключенных и необходимостью их занятости, так и решением экономических и государственных вопросов, связанных со строительством стратегических объектов и заселением удаленных территорий. Все объекты пенитенциарной системы являлись местами принудительного заключения. Основным положением советской пенитенциарной политики являлась идея исправления осужденного с помощью общественно полезного труда.

Формирование пенитенциарной системы в 1937 г. совпало с массовыми репрессиями, прокатившимися кровавыми волнами по всей стране. Действующие тюрьмы были переполнены. Люди находились в нечеловеческих условиях, многие страдали от болезней, нехватки воздуха, качественной пищи и воды. Переполненность тюремной системы и желание привлекать многочисленные массы заключенных к работе на экономических объектах страны повлекли выделение из тюрем и создание

исправительно-трудовых колоний. ИТК отличались нестабильностью, часто расформировывались, перебазировались или сливались с другими структурными подразделениями системы НКВД.

Подводя итоги анализа нормативно-правовой базы периода становления пенитенциарной системы в предвоенные годы необходимо отметить потенциальную динамику ее роста и противоречия принципам человечности. Репрессивный характер был присущ практически всем санкциям, закрепленным в уголовном и уголовно-исполнительном законодательствах.

Список литературы

1. Морозов Н. А. Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948-1954 гг.). Сыктывкар, 1998. – 156 с.
2. Бубличенко В. Н. Детские закрытые учреждения НКВД-МВД СССР на Европейском Севере России: 1935-1956 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2007. – 22 с.
3. Рябинин А. А. Проблемы наказания на новом этапе совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства: монография. Домодедово: ВИПК МВД России, 2000. – 355 с.
4. Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // СОЦИС. 1991. № 6. С. 10-27.
5. Чаликова В. А. Архивный юноша // Нева. 1988. № 10.
6. Речь товарища Николая Ивановича Ежова перед избирателями Горьковского-Ленинского избирательного округа в г. Горьком // Правда. 1937. 11 дек. № 339 (7305).
7. Население России с XX в.: в 3 т.; т.1. М., 2000.
8. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России. История. Документы: в 6 т.; т. 5: Советское государство. М., 2003. – 829 с.
9. Реент Ю. А. История уголовно-исполнительной системы России: учебник / под ред. Ю. И. Кашнина. Рязань, 2006. – 374 с.
10. История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. Т. I. Массовые репрессии в СССР / Отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко; отв. составитель И. А. Зюзина. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
11. Земсков В. Н. Заключенные в 1930-е годы. Социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1995. № 4. С. 54-79.

References

1. Morozov N. A. Special camps of the Ministry of Internal Affairs of the USSR in Komi ASSR (1948-1954). Syktyvkar, 1998. – 156 P.
2. Bublenko V. N. Children 's closed institutions of the NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR in the European North of Russia: 1935-1956: autoref. Dis.... edging. Science. Syktyvkar, 2007. – 22 P.
3. Ryabinin A. A. Problems of punishment at a new stage of improvement of criminal and criminal enforcement legislation: monograph. Domodedovo: VIPK Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000. – 355 P.
4. Zemkov V. N. GULAG (historical and sociological aspect) // SOCIS. 1991. № 6.
5. Chalikova V. A. Archival young man//Neva. 1988. No 10. P. 10-27.
6. Speech by comrade Nikolai Ivanovich Daily in front of voters of the Gorky-Lenin constituency c. Gorky // Truth. 1937, December 11, No. 339 (7305).
7. Population of Russia since XX century: in 3 tons; t.1. M, 2000.
8. Kutafin O. E., Lebedev B. M., Semigin G. Y. Judiciary in Russia. History. Documents: in 6 tons; Vol. 5: Soviet State. M., 2003.- 829 P.
9. Rent Yu. A. History of the penal correction system of Russia: textbook/ed. Yu. I. Kashnina. Ryazan, 2006. – 374 P.
10. History of Stalin 's Gulag. The end of the 1920s - the first half of the 1950s. Collection of documents in 7 volumes. / T I. Mass repression in the USSR ed. N. Werth, S.V. Mironenko; open compiled by I. A. Zyuzin. - M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004.
11. Zemkov V. N. Prisoners in the 1930s. Socio-demographic problems//Domestic history. 1995. No 4. P. 54-79.

УДК/UDC 343.2/.7

Проблемы квалификации неоконченного преступления

Лаврентьева Ирина Алексеевна
студентка юридического факультета
Забайкальский государственный университет
г. Чита, Россия
e-mail: tttooobana@yandex.ru

Аннотация

Несовершенство действующего уголовного законодательства РФ и неправильность понимания основания и уголовно-правовой оценки преступлений, в том числе и неоконченных, указывает на актуальность темы данного исследования. Доведение преступления до своего совершения не является основанием для уголовной правовой оценки действия или бездействия как неоконченного преступления. Автором среди законодательных упущений отмечается отсутствие четкой регламентации неоконченного преступления ввиду закрепления признаков в разных положениях уголовного законодательства, законодательная загруженность и размытость в указании существенных признаков, отсутствие конкретизации положений правовой квалификации неоконченного преступного акта, для устранения которых предлагается изложить ст. 30 Уголовного кодекса Российской Федерации в новой редакции.

Ключевые слова: квалификация преступления, неоконченное преступление, оценка, состав преступления, покушение на преступление.

Unfinished crime qualification issues

Lavrentyeva Irina Alekseyevna
student of the faculty of law
Transbaikalian State University
Chita, Russia
e-mail: tttooobana@yandex.ru

Abstract

The imperfection of the current criminal law and criminal law assessments of crimes, including unfinished ones, indicate the relevance of the topic of this study. Bringing crimes to their commission is not a ground for criminal legal assessment or inaction as an inchoate crimes. The author, among the legislative acts, notes the lack of clear regulation of the unfinished crime which enshrines the signs in various articles of the criminal law, and legislative workload and thoughts regarding the identification of essential signs; the lack of specific legal qualification of provisions for an inchoate crime for an elimination of which the writer suggests to present the article No 30 of the Criminal Code of the Russian Federation in the new version.

Key words: crime qualification, unfinished crime, assessment, corpus delicti, attempted crime.

Правовая квалификация оказывает воздействие на множество правовых институтов и правовых категорий уголовного права, начиная с разрешения задач, предусмотренных ст. 2 УК РФ, реализации принципов уголовной ответственности и заканчивая определением вида и размера уголовного наказания лицу, виновному в совершении преступления, и решением вопросов снятия или погашения судимости. Но, исходя из сложившейся правоприменительной следственной и судебной практики, квалификация преступления нестабильна. В свою очередь несовершенство действующего отечественного уголовного законодательства и неправильность теоретического и практического понимания основания и уголовно-правовой оценки преступлений, в том числе и неоконченных, свидетельствуют об актуальности данного исследования.

Безусловно, преступное действие всегда представляет собой акт, обладающий определенным временным промежутком [1]. Положения особенной части уголовного закона устанавливают наказание за совершение оконченного преступления — деяния, которое содержит все признаки состава преступления [2].

Но общественную опасность может также представлять неоконченное деяние преступников, ввиду чего в УК РФ закрепляется ответственный

ность за приготовление к тяжкому (особо тяжкому) преступлению и за покушение на преступление.

Квалификация оконченного преступления производится на основании положений особенной части УК РФ. При этом покушение и приготовление оценивается по одной и той же статье, однако с акцентированием на ч. 1 и 3 ст. 30 УК РФ.

Под приготовлением в уголовном законодательстве понимается создание условия для совершения преступления в случае, если оно не было доведено до конца по обстоятельствам, не зависящим от лица. Однако создание условий для совершения преступления виновным лицом дает возможность классифицировать деяния в качестве приготовления к преступлению.

Так, создание благоприятных условий в ряде случаев было криминализировано законодателем в качестве самостоятельного преступления. Безусловно, формирование условия для совершения преступной деятельности должно получить уголовную правовую оценку в качестве оконченого преступления. Перечень разновидностей действий по подготовке к преступлению открыт (ч. 1 ст. 30 УК РФ). При приготовлении к преступлению правовая квалификация содеянного в ряде случаев предопределяется уголовным законом. Так, прямое указание на это содержится в ч. 5 ст. 34, ч. 6 ст. 35 УК РФ.

Под покушением понимается умышленное деяние, направленное на совершение преступления, если оно при этом не было доведено до своего совершения по обстоятельствам, не зависящим от лица. Для правовой квалификации покушения на преступление рассмотрение только начала совершения умышленного преступления будет недостаточным, поскольку покушение может охватывать как начальные, так и последующие моменты преступной деятельности вплоть до наступления общественного опасного последствия.

Отметим, что последнее может быть отделено от начального действия лица, например, начальный момент длительного истязания потер-

певшего, которое не заканчивается смертью только из-за своевременного оказания медицинской помощи [3].

При этом недоведение преступления до своего совершения не является основанием для уголовной правовой оценки действия или бездействия как неоконченного преступления. Согласно отечественному уголовному закону к существенным также относится факт, почему преступление до конца доведено не было. Так, УК РФ под неоконченным преступлением понимает недоведение преступления до своего завершения, которое произошло по внешним по отношению к виновному лицу факторам, помешавшим завершению преступления. По данному признаку производится разграничение неоконченного преступления от добровольного отказа от совершения преступления, происходящего при осознании лицом возможности довести преступление до своего завершения (ч. 1 ст. 31 УК РФ), следовательно, по зависящим от него обстоятельствам.

В случае если говорится об умышленном преступлении, возможно прохождение определенных этапов осуществления преступного намерения, при этом оно может быть не до конца реализовано.

К данным этапам относятся: формирование умысла, обнаружение умысла, приготовление к совершению преступления, покушение, окончание преступного акта [4, 5].

Приготовление к совершению преступления представляется частично нейтральным, поскольку уголовно наказуемо лишь приготовление к особо тяжкому и тяжкому преступлению. Данные стадии характерны для умышленных преступлений, а не для самостоятельного преступления, в котором, к примеру, обнаружение умысла составляет содержание объективной стороны.

Если говорить о преступном акте в строгом толковании, то согласно уголовному законодательству выделим возможные стадии совершения умышленного преступления:

- 1) приготовление к особо тяжкому и тяжкому преступлению,
- 2) покушение,
- 3) оконченное преступление.

Безусловно, все стадии совершения умышленного преступного акта не всегда обязательны. При этом не все стадии могут быть возможны. В данном значении обуславливающее значение представляет структура объективной стороны. К примеру, невозможно покушение и приготовление в ст. 125 УК РФ, 162 УК РФ. Для обоих видов неоконченного преступления общим выступает незавершенность.

Также выделим, что неоконченное преступление с субъективной стороны указывается только в том случае, когда упоминается о покушении на убийство, однако данное положение в будущем распространяется на покушение и приготовление к любому преступлению [6].

Неоконченное преступление в целом определяется как прекращение лицом приготовления к особо тяжкому и тяжкому преступлению или покушение на осуществление, покушение по обстоятельствам, не зависящим от лица.

Согласно уголовно-правовой квалификации преступления необходимо установить, какое оконченное преступление лицо планировало осуществить. В соответствии с ч. 1 ст. 29 УК РФ «преступление окончено, если в совершенном деянии содержится все признаки состава преступления».

Поскольку фактическое отграничение оконченного преступления от неоконченного производится не по всем признакам состава преступления, а только по объективной стороне, то и установление момента окончания преступления будет отличаться.

Для усеченного состава будет достаточным лишь осуществление действия или бездействия, т. е. деяния. Так, вне зависимости от совершения планирующегося преступления оконченным преступлением будет являться создание устойчивой вооруженной группы [7].

Приготовление к преступному деянию является первоначальной стадией уголовного наказуемого умышленного преступления, понимающееся в ч. 1 ст. 30 УК РФ как «приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо

иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам».

Следовательно, данное деяние находится вне пределов объективной стороны оконченных составов преступлений. Объективная сторона, приготовления к преступному акту, описывается в общей части УК РФ и связывается информационно с положениями особенной.

При этом отраженный в уголовном законодательстве перечень приготовительных действий не носит исчерпывающий характер, ввиду чего актуальным остается положение о целесообразности неполного перечня, так как он только перечисляет то, что требует пояснение, а не проясняет неизвестное.

Покушение на преступление является второй разновидностью неоконченных преступлений: «умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам». При покушении на преступление следует говорить только о реализации части объективной стороны оконченного состава преступления. Объективная сторона покушения, в отличие от приготовления к преступлению, описывается не только в общей, но и особенной части УК РФ.

По аналогии с приготовлением к преступлению квалификация покушения на преступление в соответствии с уголовным законодательством регулируется положениями ст. 29 УК РФ со ссылкой на ст. 30. Как нами указывалось ранее, покушения на преступление подразделяются на оконченное и неоконченное. В соответствии с позицией о добровольном отказе от совершения преступления данная классификация имеет немаловажное значение.

Отметим, что согласно ч. 3. Ст. 29 УК РФ «уголовная ответственность за неоконченное преступление наступает по статье УК РФ, предусматривающей наступление ответственности за оконченное преступление, со ссылкой на ст. 30 настоящего кодекса». На наш взгляд, данная

законодательная трактовка нуждается в уточнении посредством ее дополнения не только статьей, но и пунктом, частью статьи особенной части уголовного законодательства.

Обуславливается данное дополнение тем, что ряд статей УК РФ, предусматривающей наступление уголовной ответственности за соответствующее преступное деяние, состоят структурно из пунктов и частей. Помимо этого, словосочетание «уголовная ответственность наступает» следует изменить на «квалифицируется».

На наш взгляд, правовая регламентация неоконченного преступления наделена существенными резервами. Среди законодательных упущений отметим:

- отсутствие четкой регламентации ввиду закрепления признаков в разных положениях уголовного законодательства (так, в ч. 1 и ч. 2 ст. 30 УК РФ указываются признаки приготовления);
- большую законодательную загруженность (большое количество приготовительных действий к преступлению);
- размытость в указании существенных признаков;
- отсутствие конкретизации положений правовой квалификации неоконченного преступного акта.

Таким образом, необходимо изложить нормы статьи 30 УК РФ в новой редакции:

«п. 3. Покушением на преступление признается деяние (действие, бездействие), осуществляемое с прямым умыслом, при выполнении лицом части объективной стороны преступления, которое не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам.

п.3.1. Покушение на преступление квалифицируется в соответствии с правилами п. 3 ст. 30 и по статье особенной части настоящего Кодекса, предусматривающей уголовную ответственность за оконченное преступление».

Список литературы

1. Редин М. П. Осуществление преступного намерения и неоконченного преступления // Правоведение. 1999. № 1. С. 45.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
3. Благов Е. В. Применение уголовного права: теория и практика / Е. В. Благов. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 505 с.
4. Тедеев К. Т. Стадии совершения преступления и конструкции составов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. А. В. Башков. Екатеринбург, 2008. 160 с.
5. Корягина О. В. Стадии совершения преступления: Вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.08 / Корягина Ольга Валентиновна. М., 2008. 253 с.
6. Бюллетень Верховного Суда РСФСР 1987. № 2. С. 4–5. // СПС «Консультант Плюс».
7. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 3. 1997.

References

1. Redin M. P. The commission of criminal intent and inchoate crimes // Jurisprudence. 1999. No 1. P. 45.
2. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 federal act No 63 // Consultant-Plus law reference system.
3. Blagov Ye. V. The implementation of criminal law: theory and practice / Ye. V. Blagov. — Saint Petersburg: Publishing R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr Press» (Juridicial press centre), 2004. — p. 505.
4. Tedeyev K. T. Stages of offences and structure of the panels. Yekaterinburg. 2008. 160 p.
5. Koryagina O. V. The stages of the crime: theory, legislative regulation and judicial practice // Auto Abstract of the sis of the candidate of law sciences – 12.00.08 / Koryagina Olga Valentinovna. – M., 2008. – p. 253.
6. The Bulletin of the Supreme Court of the Russian Soviet Federative Socialist Republic 1987. No 2. p. 4-5. // «Consultant-Plus» law reference system.
7. On practice of the implementation of legislation on responsibility for banditry by courts: The implementation of Plenum of Supreme Court of Russian Federation dated 17.01.1997 No 1 // The Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 3. 1997.

УДК/UDC 34.05

Взаимоотношение международного частного и национального права в сфере регулирования трудовых отношений трудящихся-мигрантов

Нешко Екатерина Максимовна

студентка экономического факультета

Школа бизнеса и международных компетенций московского государственного
университета международных отношений

г. Москва, Россия

e-mail: kneshkoc@gmail.com

SPIN-код: 5810-1479

Аннотация

Набирающая в последнее время тенденция миграционных процессов, вызванная неблагоприятной экономической обстановкой, массовой безработицей, гражданскими войнами оказывает как позитивное, так и негативное воздействие на трудовой рынок России, что свидетельствует о необходимости дальнейшей правовой регламентации трудовых отношений, обусловленных иностранным элементом. В данной статье автором проводится сравнительный анализ международного частного и национального права в сфере регулирования трудовых отношений трудящихся-мигрантов. Отмечается, что возможность применения коллизионного регулирования трудового договора в теории международного частного права традиционно решается с учетом объединяющих принципов частноправового регулирования. Автор приходит к выводу о необходимости формирования коллизионного принципа автономии воли трудовых отношений, обусловленных иностранным элементом, ограничив данный принцип пределами запрета ухудшения положения работника по сравнению с императивными нормами страны, с которыми трудовой договор связан.

Ключевые слова: трудовая миграция, трудовой мигрант, иностранный работник, коллизионное регулирование, автономия воли.

The interrelationship between international private and national law in the regulation of labor relations of migrant workers

Neshko Yekaterina Maksimovna

student of the Faculty of Economics

School of Business and International Competencies of Moscow State University of International Relations

Moscow, Russia

e-mail: kneshkoc@gmail.com

SPIN Code: 5810-1479

Abstract

The recently growing trend of migration processes, caused by the unfavorable economic situation, mass unemployment, civil wars, has both positive and negative effects on the Russian labor market that indicates the need for further legal regulation of labor relations caused by a foreign element. The article provides a comparative analysis of the international private and national laws in the field of regulation of labor relations of migrant workers. The author notes that the possibility of applying interstate regulation of the employment contract in the theory of private international law is traditionally performed by taking into account the unifying principles of private law regulation. The writer comes to the conclusion that it is necessary to create an interstate principle of the will autonomy of labor relations caused by a foreign element, by limiting this principle within the limits of the prohibition of employee deterioration in compare with the country's peremptory norms with which the employment contract is associated.

Key words: labor migration, labor migrant, foreign worker, conflict regulation, autonomy of will.

Основной составляющей предмета трудового права являются трудовые отношения, основанные на соглашении между работодателем и работником о личном выполнении работником трудовой функции за плату с момента приобретения ими в полном объеме гражданской дееспособности [1]. Однако, набирающая в последнее время тенденция миграционных процессов, вызванная неблагоприятной экономической обстановкой, мас-

совой безработицей, гражданскими войнами оказывает как позитивное, так и негативное воздействие на трудовой рынок России, что свидетельствует о необходимости дальнейшей правовой регламентации трудовых отношений, обусловленных иностранным элементом [2].

Субъектом трудовых отношений, осложненных иностранным элементом, выступает российский или иностранный гражданин или лицо без гражданства с одной стороны и отечественный или иностранный работодатель с другой стороны. Однако в теории и правоприменительной практике [3] до сих пор отсутствует единое толкование норм в отношении иностранного работника.

При обращении к международным актам и отечественному законодательству видны существенные различия в толковании понятия «иностранный работник». Так, ст. 2 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей 1990 г. [4] определяет лицо, которое осуществляет трудовую деятельность в государстве, в котором он не является гражданином, как трудящегося мигранта.

В Договоре о Евразийском экономическом союзе [5] данное понятие толкуется как «трудящийся государства - члена». Трудящийся государства - члена является лицом, которое законно находится и осуществляет на законном основании на территории государства трудовую деятельность. При этом данное лицо не является гражданином государства и не проживает в нем на постоянной основе.

В отечественном трудовом законодательстве отсутствует единство понятия «иностранный работник». Так, статус иностранного гражданина, осуществляющего трудовую деятельность, обозначается как «иностранный работник» [6], «иностранная рабочая сила» [7], «трудящийся мигрант» [8], однако их значение и различия закон не раскрывает.

Безусловно, механизмы перекатегоризации происходят через переосмысление главной категории профессиональной категории процессов [9].

Для единообразного понимания в теории и в правоприменительной практике [10] регулирования трудовых прав иностранных работников

необходима разработка единого понятийного аппарата, направленного на унификацию данных терминов.

При обращении к содержанию закона «О правовом положении иностранных граждан в РФ» [11] в части регулирования трудовой деятельности иностранного гражданина можно обнаружить неясность в формулировках. При этом в трудовом и гражданском законодательстве отсутствуют специальные нормы, которые регулировали бы специфику возмездной деятельности иностранного гражданина.

Таким образом, для предотвращения противоречивости в толковании понятий, обозначающих осуществление трудовой деятельности иностранным работником, необходимо провести их унификацию либо закрепить в трудовом законодательстве общие начала, признаки и сущность осуществления трудовой деятельности иностранным работником. Следует указать, что данные положения будут применяться ко всем трудовым отношениям с иностранными работниками, если иное не будет установлено трудовым кодексом или иными правовыми актами.

Также следует разработать единое понятие «трудоустроенный-мигрант» для дальнейшего его включения в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Легальное закрепление данного понятия обусловлено, прежде всего тем, что в международных соглашениях и актах, в которых участвует Российская Федерация используется дефиниция «трудоустроенный-мигрант».

Данное определение отлично от термина «иностранец», закрепленное в отечественном законодательстве. Понятие «Трудоустроенный-мигрант» также целесообразно использовать для идентификации указанной группы лиц при заключении международных договоров в рамках Союза Независимых Государств, Международной Организации Труда и Евразийского экономического союза.

Согласно ст. 327. 1 ТК РФ на трудовые отношения между иностранным работником (лицом без гражданства) и работодателем распространяются правила, которые установлены трудовым законодательством, за исключением случаев, в которых трудовые отношения с ино-

странными работниками (лицами без гражданства), регулируются иностранным правом. При этом особенности регулирования труда иностранных граждан и лиц без гражданства регулируются главой 50.1 ТК РФ.

Возможность применения коллизионного регулирования трудового договора в теории международного частного права традиционно решается с учетом объединяющих принципов частноправового регулирования. Как отмечает М. М. Богуславский, к трудовым отношениям применимы общие положения и понятия международного частного права [12]. Трудовому праву свойственно публично-правовое начало, которое ограничивает действие коллизионных норм страны суда, иными словами - применение положений иностранного закона [13].

В качестве так называемых универсальных коллизионных принципов признаются закон автономии воли и закон места работы. Коллизионное предписание принципа места работы наделено группой позитивных характеристик. Именно это определяет выбор в международных контрактах и национальном законодательстве данного правила.

Так, во-первых, именно в месте осуществления своей трудовой функции работник интегрируется в коллектив. Обращение же к норме права, регулирующей место работы, позволяет создать последовательную, целостную систему правового регулирования, с учетом действий императивных норм об охране труда, а также создать равноправные условия труда для всех работников данной организации.

Во-вторых, место работы позволяет определить пределы действия локальных трудовых актов.

В-третьих, место работы выступает также местом заключения коллективного договора, участия в управлении организацией работников.

В-четвертых, место работы является местом судебного разбирательства индивидуальных и коллективных трудовых споров [14].

Таким образом, в случае возникновения трудовых отношений, осложненных иностранным элементом, их правовое регулирование будет осуществляться российским трудовым правом. Данное положение применимо не только к иностранным гражданам, осуществляющим трудовую

деятельность у российских работодателей, но и к российским работникам, работающим у иностранных работодателей.

Вышеизложенные положения являются основанием того, что в юридической литературе существует позиция, в соответствии с которой отрицательно рассматривается возможность применения принципа автономии воли к трудовым отношениям. Но, при этом имеются и определенные исключения из данной позиции.

Так, согласно абз. 1 ст. 10 ТК РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации являются составной частью правовой системы Российской Федерации.

Абз. 2 данной статьи конкретизирует: «если международным договором Российской Федерации установлены другие правила, чем предусмотренные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права, применяются правила международного договора». Ярким примером служит положения ст. 44 Договора между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам [16].

Согласно п. 1 данной статьи стороны трудового договора имеют право самостоятельно выбирать законодательство, регулирующее трудовые отношения между ними. П. 2 ст. 44 закрепляет: «если законодательство не выбрано, то возникновение, изменение или расторжение трудового договора и вытекающие из него претензии регулируются законодательством Договаривающейся Стороны, на территории которой выполняется, выполнялась или должна была выполняться работа.

Если работник выполняет работу на территории одной Договаривающейся Стороны на основании трудового договора с предприятием, находящимся на территории другой Договаривающейся Стороны, возникновение, изменение, прекращение (расторжение) трудового договора и вытекающие из него претензии регулируются законодательством этой Договаривающейся Стороны.

Однако в ряде международных договоров [17] указываются формулировки, которые допускают применение «заемного труда», т. е. труда, осуществляемого работником по распоряжению работодателя в интересах, под контролем и управлением юридического или физического лица, которое не является работодателем данного работника. Данные положения являются недопустимыми для отечественной правовой системы, прямо запрещающей заемный труд. Целесообразно избегать подобную формулировку в международных актах, поскольку соглашения выступают частью правовой системы РФ, и, исходя из общих конституционных начал ч. 4. ст. 15 Конституции РФ они будут применяться, несмотря на противоречия национального законодательства.

На наш взгляд, следует сформировать коллизионный принцип автономии воли трудовых отношений, обусловленных иностранным элементом, ограничив данный принцип пределами запрета ухудшения положения работника по сравнению с императивными нормами страны, с которыми трудовой договор связан. Данное формулирование и дальнейшее его применение на практике будет отражать современные реалии экономического развития России.

Список литературы

1. Баринов, О. В. Условия и основания возникновения трудовых правоотношений / О. В. Баринов // Правоведение. — 1979. — № 2.
2. Масленникова Л. В., Усенко А. С. Порядок предоставления жилья для беженцев и вынужденных переселенцев // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 118. С. 397-411.
3. Определение Верховного Суда РФ от 16.05.2016 № 5-КГ16-31 // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=464234#08297974892020266>
4. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г. // Международное публичное право. Сборник документов. Т.1. М., 1996. С. 492.
5. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org>

6. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

7. О занятости населения в Российской Федерации: Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 // Собрание законодательства Российской Федерации. № 17. Ст. 1915.

8. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. Ст. 6886; Об обеспечении межнационального согласия: Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 602 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 19. Ст. 2339.

9. Непшекуева Т. С., Губиева С. Ю. Антиконтент green есопому как результат процесса перекаатегоризации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 110. С. 1006-1013.

10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.08.2018 № Ф05-12381/2018 по делу № А40-234108/2017 // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=18410354650016650495189649117&cacheid=387FCB1FFED35CF80FA4CBD101F582DB&mode=splus&base=AMS&n=299935&rnd=DBED26C3B9B33689CCF4C01A0A3389A3#024409410598882664>

11. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

12. Богуславский, М. М. Международное частное право / М. М. Богуславский / . М., 2004. С. 465.

13. Лушникова, М. В. Коллизионное правовое регулирование международных трудовых отношений: теоретические проблемы и современная практика / М. В. Лушникова // Закон. 2011. № 10. С. 68, 69.

14. Довгерт, А. С. Правовое регулирование международных трудовых отношений / А. С. Довгерт / . Киев, 1992. С. 54, 55.

15. Андрианова, М. А. Соотношение и взаимодействие международного частного и трудового права России в вопросах регулирования трудовых отношений с участием иностранцев. Международное частное трудовое право / М. А. Андрианова // Государство и право. 2002. № 9. С. 66.

16. Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (подписан в г. Варшаве 16.09.1996) // Собрание законодательства Российской Федерации. 18.02.2002. № 7. Ст. 634.

17. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о трудовой деятельности и защите прав граждан Российской Федерации в Республике Таджикистан и граждан Республики Таджикистан в Российской Федерации (Заключено в г. Душанбе 16.10.2004) // Собрание законодательства Российской Федерации. 10 апреля 2006 г. № 15. Ст. 1576.

References

1. Barinov, O. V. Условия и основания возникновения трудовых прав О. В. шений / О. В. Barinov // Jurisprudence. — 1979. — No 2.

2. Maslennikova L. V., Usenko A. S. The order of providing an accommodation for refugee and internally displaced persons // Polymathic web electronic journal of Kuban state agrarian university. 2016. No 118. P. 397-411.

3. Decision of the Supreme Court of Russian Federation dated 16.05.2016 No 5-KG16-31 // «Consultant-Plus» law reference system [Electronic resource] // Access mode:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=464234#08297974892020266>.

4. The International Convention for the protection of rights of all migrant workers and members of their families dated 18 December 1990 // International public law. The collection of documents. T.1. M., 1996. P. 492.

5. The agreement on Eurasian Economic Union dated 29 May 2014 [Electronic resource] // Access mode: <https://docs.eaeunion.org>

6. The Labour Code of Russian Federation: Federal law dated 30 December 2001 federal act No 197 // The collection of legislation of Russian Federation. 2002. No 1 (part 1). Article 3.

7. On unemployment of citizens in Russian Federation: Law of Russian Federation dated 19.04.1991 No 1032-1 // The collection of legislation of Russian Federation. No 17. Article 1915.

8. About the implementation of the foreign policy concepts of Russian Federation: A Presidential Decree in Russian Federation dated 30.11.2016 No 640 // The collection of legislation of Russian Federation. 2016. № 49. Article 6886; On the ensuring the international harmony: A Presidential Decree in Russian Federation dated 07.05.2012 No 602 // The collection of legislation of Russian Federation. 2012. No 19. Article 2339.

9. Nepshekuyeva T. S., Gubiyeva S. Yu. Anti-concept green economy as a result of recategorization process // Polymathic web electronic journal of Kuban state agrarian university. 2015. No 110. p. 1006-1013.

10. The Judgement of the Court of Arbitration of Moscow region dated 09.08.2018 No F05-12381/2018 on the case № A40-234108/2017 // «Consultant-Plus» law reference system [Electronic resource] // Access mode:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.

cgi?req=doc&ts=18410354650016650495189649117&cacheid=387FCB1FFED35CF80FA4CBD101F582DB&mode=splus&base=AMS&n=299935&rnd=DBED26C3B9B33689CCF4C01A0A3389A3#024409410598882664

11. On the Juridical Status of foreigners in Russian Federation: Federal law dated 25.07.2002 federal act No 115 // The collection of legislation of Russian Federation. 2002. No 30. Article 3032.

12. Boguslavskiy M. M. International private law / M. M. Boguslavskiy /. M., 2004. P. 465.

13. Lushnikova M. V. The interstate legal regulation of international labour relations: theoretical problems and modern practice / M. V. Lushnikova // Zakon 2011. No 10. P. 68, 69.

14. Dovgert A. S. The legal regulation of international labour relations/ A. S. Dovgert /. Kiev, 1992. P. 54, 55.

15. Andrianova M. A. The ratioand collaboration of international private and public law in Russia on the regulating of labour relations with the particpance of foreigners. International private labour law / M. A. Andrianova // Government and law. 2002. No 9. P. 66.

16. The agreement between Russian Federation and Republic of Poland. On the legal help and relations in civil and criminal matters (signed in Warsawon 16.09.1996) // The collection of legislation of Russian Federation. 18.02.2002. No 7. Article 634.

17. An agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Tajikistanon the employment and protection of rights of the citizens of Russian Federation in the Republic of Tajikistan and the citizens of the Republic of Tajikistan in Russian Federation (concluded in Dushanbe on 16.10.2004) // The collection of legislation of Russian Federation. 10 April 2006. No 15. Article 1576.

УДК/UDC 338.2

Особенности разработки бизнес-плана предприятия

Погосян Рузанна Робертовна

кандидат экономических наук,

доцент кафедры инновационного менеджмента и предпринимательства

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: RuzannaRP@mail.ru

SPIN-код: 5020-3733

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся особенности и важности бизнес-планирования на предприятиях. Выделены две группы целей, которые преследуют предприятия при составлении бизнес-плана, - это внутренние и внешние. В зависимости от основных целей написания рассмотрены особенности составления бизнес-планов, их структурных составляющих и объем необходимой информации. Далее описаны основные принципы бизнес-планирования, применяемые при составлении планов, которые ориентируют предприятие на достижение высоких результатов работы, а также рассмотрены особые принципы, которые необходимо соблюдать для формирования качественного бизнес-плана. В работе обоснована необходимость составления бизнес-плана для решения основных задач бизнеса. Качественно составленный бизнес-план предприятия способствует более успешной организации управления, служит инструментом для оценки эффективности деятельности организации, а также позволяет привлечь инвесторов и кредиторов.

Ключевые слова: бизнес-план, инвестиции, финансирование, принципы, особенности, бизнес-планирование.

The features of business plan development of enterprise

Pogosyan Ruzanna Robertovna,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor Associate Professor of the
Department of Innovation management and entrepreneurship

Rostov State University of Economics (RINH)

Rostov-on - Don, Russian Federation

e-mail: RuzannaRP@mail.ru

SPIN code: 5020-3733

Abstract

The article discusses issues related to the features and importance of business planning in enterprises. Two groups of goals that pursue enterprises in the preparation of a business plan, are as followed: internal and external goals. The author considers features of the business plans preparation, their structural components and the amount of necessary information, depending on the main goals of writing. The following part describes the basic principles of business planning used in the preparation of plans that are closely interrelated, orienting the company to the best achievement of work results, and discusses the special principles that must be observed to create a high-quality business plan. Also, the work substantiates the need to write a business plan to solve the main tasks of successful business organization. A well-prepared business plan of the enterprise contributes to the organization of management, serves as a tool for assessing the effectiveness of the organization, and it also helps to attract investors and creditors.

Key words: business plan, investments, financing, principles, features, business planning.

При составлении бизнес-плана предприниматели преследуют две основных цели. Первая цель связана с внешним финансированием и инвестированием в бизнес, привлечением государственного субсидирования или кредитных средств. Данная цель важна для увеличения бизнеса и развития предприятия, это так называемая внешняя цель бизнес-планирования. Однако необходимо сказать о внутренней цели бизнес-планирования, преследующей стратегическое развитие бизнеса. В дан-

ном случае бизнес-планирование необходимо для определения стратегических направлений деятельности предприятия.

Качественный бизнес-план также составляет оперативную основу для осуществления бизнеса.

Во-первых, в нем представлен план действий в краткосрочной перспективе: сложные задачи разбиваются на более простые и менее комплексные, для каждой из которых устанавливается ответственное лицо, сроки и детальный план выполнения. Все это дает возможность предприятиям осуществлять деятельность по достижению целей бизнес-плана на организованной, систематической и последовательной основе.

Во-вторых, бизнес-план в данной ситуации представляет собой «дорожную карту» на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Так, в процессе реализации качественно составленный бизнес-план может являться инструментом определения степени достижения поставленных целей, «ориентиром» в направлении деятельности предприятия, что не позволит менеджерам и собственникам предприятия сфокусироваться исключительно на выполнении повседневных управленческих операций.

В-третьих, бизнес-план является инструментом оценки и контроля выполнения целей и задач. Руководство предприятия может осуществлять мониторинг выполнения декомпозиционных задач бизнес-плана исполнителями и ответственными лицами, используя свой бизнес-план, в котором предусмотрены промежуточные показатели планирования.

В-четвертых, можно рассматривать бизнес-план как инструмент продвижения бизнеса, который помогает руководству предприятия убедить инвесторов и кредиторов предоставить финансовые средства. Для инвесторов и кредиторов бизнес-план всегда позволяет определить как текущее состояние, так и перспективные направления деятельности предприятия.

Рассматривая принципы составления бизнес-плана, следует сказать, что ему присущи основные принципы планирования, создающие предпосылки для успешной и эффективной деятельности предприятия, такие как необходимость, непрерывность, эластичность и гибкость, един-

ство и полнота (системность), точность и детализация, экономичность, оптимальность, связь уровней управления, участие, холизм (сочетание координации и интеграции), ранжирование объектов планирования, вариантность, социальная ориентация, стабильность, адекватность [1, 2].

Все вышеперечисленные принципы планирования имеют тесную взаимосвязь, в конечном счете ориентируя предприятие на комплексное определение всех плановых показателей с целью достижения наилучших результатов работы. Принципы ориентируют содержание плановой работы на всех этапах осуществления проекта. Следует сказать, что кроме рассмотренных принципов в процессе бизнес-планирования учитываются общеэкономические принципы: научности, приоритетности, динамичности, директивности, эффективности, комплектности и др. [3].

Однако следует рассмотреть основные принципы, которые необходимо применять при подготовке бизнес-плана. Первый принцип - это принцип доступности и понятности восприятия бизнес-плана всеми участниками проекта, т. е. подготовленный бизнес-план должен быть качественно написан для свободного понимания. Резюме бизнес-плана является наиболее важной частью, потому, что оно аккумулирует в одной или двух страницах все значимые аспекты бизнес-плана и должно заинтересовать в сотрудничестве инвесторов и партнеров. Бизнес-план должен быть написан ясно, четко, лаконично, с использованием минимального количества специальных терминов, а если они имеются, их необходимо пояснить, например, в глоссарии или подстрочной сноске.

Следующий важный аспект бизнес-плана, на который необходимо обратить внимание, - это анализ рынка, на котором собираются действовать инициаторы проекта. Анализ даже более важен, чем предлагаемый продукт, т. к. инвесторы в первую очередь заинтересованы в том, как рынок будет реагировать и воспринимать продукт (или услугу). В бизнес-плане необходимо исследовать и показать удовлетворение существующих потребностей потребителей на рынке.

Также при разработке бизнес-плана необходимо рассмотреть подробно план сбыта: стратегии сбыта, которые будут использоваться для

продажи и распространения продукта (или услуги), методы и стоимость сбыта, включая логистику, складирование и доставку.

При составлении бизнес-плана особенно важно указать существующие конкурентные преимущества и уникальные особенности бизнеса. Например, можно указать любые особые атрибуты: патенты, авторские права, стратегические партнеры или новые технологии предприятия.

Описание управленческой команды - следующий важный аспект составления бизнес-плана. Необходимо подчеркнуть преимущества команды с точки зрения опыта, профессиональной квалификации и имеющихся достижений. Важно также упомянуть о кадровой политике и о существующем доверии к руководству для ведения бизнеса.

Относительно прогнозирования и планирования основных показателей следует сказать, что в бизнес-плане должны быть реалистичные, достоверные и обоснованные данные с правдоподобными допущениями.

И последнее, что необходимо учитывать при составлении бизнес-плана, - это конечного пользователя бизнес-плана, ведь его требования должны быть первоочередными. Документ должен разрабатываться с учетом интересов конечного пользователя. Так, например, банкиру или инвестору необходима стабильность, безопасность, покрытие денежных потоков и надежная прибыль, в то время как венчурный инвестор больше заинтересован в высоком кредитном плече, приводящем к высокой доходности.

Можно сделать вывод, что разработка бизнес-плана предприятия очень важна, так как он решает основные задачи успешной организации бизнеса.

Во-первых, бизнес-план способствует организации управления с четким видением, миссией и целями, являясь так называемой «дорожной картой», что позволяет заинтересованным сторонам (акционерам, руководству, персоналу) разобраться в деятельности предприятия. Также бизнес-план служит инструментом для оценки эффективности деятельности различных подразделений предприятия, тем самым повышая результативность бизнеса.

Во-вторых, финансовые учреждения, кредиторы или инвесторы не будут заинтересованы инвестировать в предприятие, у которого не будет бизнес-плана, представляющего оценку эффективности и пути достижения планируемой успешной деятельности. Кредиторы ищут способы снижения своих рисков, в то время как инвесторы хотят видеть реалистичный прогноз о результативности собственных вложений. Поэтому любое предприятие, которое хочет привлечь инвестиции и финансовые ресурсы, должно разработать надежный и реалистичный бизнес-план, позволяющий заинтересованным сторонам принять обоснованное решение о текущем и будущем направлении деятельности предприятия.

Список литературы

1. Джуха В. М., Погосян Р. Р. Бизнес-планирование: учебное пособие для студентов // Ростов н/Д.: РИНХ, 2012. 113 с.
2. Планирование деятельности на предприятии: учебник для бакалавров / Кукушкин С. Н., Поздняков В. Я., Васильева Е. С. // 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 350 с.
3. Бизнес-планирование: учеб. пособие / Богомолова В. А., Белоусова Н. М., Кублашвили О. В., Ролдугина Р. Ю. // М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2014. 250 с.

References

1. Dzhukha V. M., Pogosyan R. R. Business plaining [Text]: textbook for students studying the course "Business Planning also for managers and economists of enterprises / Dzhukha V. M., Pogosyan R. R.; department of education and science of the Russian Federation, Rostov state economics university (RINKH), faculty of national and world economy. - Rostov-na-Donu: RINKH, 2012. – 113 p.
2. Planning activities at the enterprise: textbook for bachelors / S. N. Kukushkin [and other]; executive editor S. N. Kukushkin, V. Ya. Pozdnyakov, Ye. S. Vasilyeva. — 2-eeedition, revised and supplemented. — Moscow: Yurayt publishing, 2016. — 350 p. — (Bachelor. Academic course). — ISBN 978-5-9916-2716-0. — Text: electronic // EBS Yurayt [website]. — URL: <https://biblio-online.ru/bcode/390348>
3. Businessplaining: textbook/ V. A. Bogomolova, N. M. Belousova, O. V. Kublashvili, R. Yu. Roldugina; Moscow state university of publishing named after Ivana Fedorova. — M.: MSU Pnamed after Ivana Fedorova, 2014. — 250 p.

УДК/UDC 316

Раскрытие сущности права через обращение к современным социально-философским концепциям

Равочкин Никита Николаевич

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия

г. Кемерово, Россия

e-mail: nickravochkin@mail.ru

SPIN-код: 9408-2175

Аннотация

В статье рассматриваются различные варианты осмысления феномена права с позиции современных социально-философских концепций. Учитывая реалии отечественного кризиса правосознания в настоящее время, автор проводит разграничение между нормами: техническими, этическими и собственно правовыми. Определяя социальные трансформации, необходимо обратить внимание, что правовое регулирование *de facto* проникает во множество сфер общественной жизни. Доказана актуальность и злободневность философского анализа права, который направлен на раскрытие предельного содержания его сущности. Представлены и проанализированы современные философско-правовые концепции: аналитическая, герменевтическая и постмодернистская традиции. Предлагается принять во внимание необходимость создания синтетической идейной установки, максимально полно способствующей раскрытию сущности права как социального регулятора, а также правовой реальности.

Ключевые слова: право, общество, социально-философские концепции, идеи, аналитическая философия, герменевтика, постмодерн.

Law essence disclosure through the appeals to modern socio-philosophical conceptions

Ravochkin Nikita Nikolaevich

Candidate of Philosophical Sciences,

Associate professor of humanitarian and law disciplines department

Kuzbass State Agricultural Academy

Kemerovo, Russia

e-mail: nickravochkin@mail.ru

SPIN-code: 9408-2175

Abstract

The article discusses options for understanding the phenomenon of law from the perspective of modern socio-philosophical concepts. Given the realities of the domestic crisis of justice at the present time, the author makes a distinction between norms: technical, ethical and legal. Defining social transformations, it is necessary to pay attention to the fact that legal regulation de facto permeates into many spheres of public life. The author proves the relevance and topicality of the philosophical analysis of law, which is aimed to revealing the ultimate content of its essence. Moreover, he presents and analyzes the modern philosophical and legal concepts: analytical, hermeneutic and postmodern traditions. The author proposes to take into account the need to create a synthetic ideological framework that maximally contributes to the disclosure of the essence of law as a social regulator, as well as legal reality.

Key words: law, society, socio-philosophical concepts, ideas, analytical philosophy, hermeneutics, postmodern.

Правовая проблематика становится достаточно актуальной для современной социальной философии. Это подразумевает обращение к изучению всего богатства философских идей, посвященных, например, раскрытию сущности права или поиску соотношения «между правом и реальным доступом к материальным и духовным благам» [1]. Право явно или неявно всегда присутствует в приближении к обществу и в осмыслении его структуры, собственно, при появлении расслоения и возникает вопрос о способах регламентации человеческого поведения. На наш

взгляд это еще сопряжено и с тем, что сегодня повсеместно встречаются «нарушения отдельными индивидами или группами общепринятого, нормального с точки зрения большинства членов общества социального порядка, что неизбежно деформирует непрерывный процесс воспроизводства всего ценностно-нормативного механизма общественной жизни, который призван обеспечивать соответствующее нормам поведение людей» [2].

Вдаваясь в совокупность норм регулирования поведения вообще, общеизвестен факт, что существуют технические, этические и правовые нормы. К техническим нормам относят правила, указывающие, как следует поступать для достижения определенной цели. Их можно увидеть где угодно: начиная от повседневной жизни и заканчивая сложнейшими аспектами различной профессиональной деятельности.

Однако вряд ли люди могут основывать свои действия с опорой только на технические нормы. При межличностном взаимодействии видное место занимают нормы морали, или этики.

Если технические нормы формируют цели человеческих действий, то этические можно определить как правила совместного и в теории бесконфликтного воплощения индивидуальных и коллективных устремлений. Разница между ними как по форме, так и по содержанию. По форме технические нормы регламентируют поведение одного человека, а нравственные - гармоническое поведение всех людей в обществе. По содержанию технические нормы регламентируют целевую деятельность людей, а этические - взаимодействия людей в социуме.

Следующим шагом будет определение соотношения между нравственными и правовыми нормами. Н. М. Коркунов относит к правовым нормам такие, которые разграничивают интересы и закрепляются на государственном уровне, а те, что позволяют дать оценки поведения являются этическими [3]. Итак, формальная природа права позволяет получить представление о юридическом оформлении социальных структур, способствующих воспроизводству общественных практик. Правовой

аспект подразумевает наличие формальных правил игры и взаимодействия, носящих предписывающий и разрешающий характер.

Дополнительный запрос на раскрытие правовой проблематики философскими концепциями детерминирован реалиями социальной динамики и развития, а также тем, что техника и технология способствует все большему и большему дистанцированию человека от природы, открывая возможности для формирования новых видов работ и социальных реалий. Разумеется, в конечном счете это потребует закрепление принципиально новых форм регламентации социальных взаимодействий.

Такая злободневность объекта исследования задает современной социальной философии дискуссии на уровне фундаментальных подходов о сущности не только права как способа регламентирования общественных отношений, но и правовой реальности, в которой воплощается регламентация всех видов социальных взаимодействий. Идеи, фундирующие концепции, сменяются другими идеями и чаще всего представляют модификации и конфигурации данных интеллектуальных конструктов. Философские концепции привлекают внимание исследователей еще и тем, что закладывают предельные принципы, лежащие в основе не только теорий, но и практик, ведь реалии нашей жизни обосновывают переход к прикладному анализу философских проблем в соответствии с вызовами конкретных ситуаций [4].

К таковым подходам можно отнести философско-правовые концепции аналитической традиции (Г. Л. А. Харт, Р. Нозик [5]), постмодернистские взгляды на сущность и способы реализации правовой реальности (П. Бурдье, М. Фуко, Ж. Бодрийяр, практики данных авторов освещены в нашей принятой к публикации работе «Логика трансформаций политических институтов: предварительные замечания»), фрейдомарксистская концепция права и политики (Э. Фромм, В. Райх [6]), феноменологическая и герменевтическая концепции права.

Рассмотрим аналитическую, герменевтическую и постмодернистские стратегии. В плане аналитической философии права уместно обратиться к работам томского ученого В. В. Оглезнева. В частности, он ука-

зывает, что развитие западноевропейской философско-правовой мысли в первой половине XIX в. происходило в условиях формирования философии позитивизма и процесса дифференциации политико-правовых знаний о закономерностях функционирования правовой действительности, которое было обусловлено воздействием факторов, относимых упомянутыми авторами к внешним и внутренним [7].

В то же время можно опираться и на анализ научных работ классиков: Л. Л. Фуллера, на философско-правовые воззрения которого по его собственному убеждению коренным образом повлияли «философия обыденного языка» Дж. Л. Остина и «утилитаризм» [8].

Влияние данных направлений признает наличие естественного языка, и искусственного. Философия языка в правовой сфере создает «юридический позитивизм», видным представителем которого является Г. Л. А. Харт, стремящийся избежать апприоризма рационалистической философии и настаивающий на необходимости в исследованиях учитывать контекстуальные реалии и эмпирические методы. Обращает на себя внимание аналогичный фуллеровскому факт влияния повседневного языка на хартовскую концепцию и методологию [9]. Это объясняет исследовательскую приверженность Харта феномену уже не столько права, сколько юридическому языку и поиску в нем различных противоречий [10].

Оправданность обращения к герменевтике также не вызывает сомнений, поскольку язык и право создаются обществом, тем самым являясь одними из значимых форм воплощения практически любой культуры [11]. Именно поэтому герменевтические концепции познания сущности правовой реальности и связанных с ней социальных феноменов по своей природе обязывают исследователей учитывать реалии как применения, так и функционирования правовых норм. В случаях, когда социокультурный контекст попросту игнорируется, достаточно высока вероятность возникновения затруднений, которые могут возникнуть, например, при случаях квалификации противоправных деяний, а впоследствии и при

определении отраслевой принадлежности поведения и вида будущей ответственности субъекта.

На наш взгляд, наиболее удачная характеристика права в эпоху Постмодерна может быть пояснена через представление авторской позиции А. В. Савка: «Постмодернизм отрицает наличие каких-либо закономерностей, предопределяющих прогрессивность развития, а также возможность каких-либо успешных коллективных усилий, обеспечивающих улучшение судеб человечества» [12].

Таким образом, мы получаем целостность о нелинейном характере оформления различных структур и отношений, что по аналогии приводит к возникновению соответствующего понимания права. Его можно определить как нарратив, регламентирующий поведение человека в той или иной сфере общественной жизни. В рамках постмодернистского прочтения право можно рассматривать как общественное явление, основаниями которого будут являться базовые механизмы человеческого сознания и мышления, что трансформирует непосредственное принуждение в сторону влияния на конкретные элементы психических структур индивидов.

Итак, даже беглый анализ современных концепций обнаруживает богатое поле методов, претендующих на раскрытие сущности права как социального регулятора и соответствующей ему правовой реальности. В результате можно сформировать синтетическую область философский идей и концепций, которая даст новый взгляд с точки зрения осмысления представленного нами объекта. Итак, в очередной раз подтверждается актуальность выбранной тематики, поскольку она не просто отображает социальную значимость права, но дифференцируется и трансформируется в различные неоформы и занимает определенное место в конкретном правоприменительном случае, что и требует философского обоснования с различных методологических установок.

Список литературы

1. Новиков А. Г. Актуальные философские проблемы XXI века // Вестник Якутского государственного университета. 2009. Т. 6. № 1. С. 138-140.
2. Горшенин В. М. Аномия как общественный феномен: Социально-философский анализ: Диссертация канд. филос. наук: 09.00.11 – Хабаровск: ДВГУПС, 2004. - 161 с.
3. Коркунов Н. М. Лекции об общей теории права. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004. - 458 с.
4. Шушкина А. Г. Критическая теория общества сегодня // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (28). С. 98-103.
5. Равочкин Н. Н. Либертарианство: рассмотрение с позиции аналитической политической философии // Дискурс. 2018. № 6. С. 3-10.
6. Равочкин Н. Н. Политико-правовые институты в идеях представителей Франкфуртской школы // В сборнике: Марксизм глазами XXI века. Десятые Кузбасские философские чтения: материалы научной конференции с международным участием. Кемерово, 2018. С. 166-173.
7. Оглезнев В. В. Истоки современной аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 4 (8). С. 81-88.
8. Оглезнев В. В. Аналитическая философия права: новый подход к решению старых проблем // Философия права. 2010. № 5. С. 7-10.
9. Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М.: Канон, 2017. 384 с.
10. Оглезнев В. В. Юридический язык и аналитическая философия права // Философия права. 2014. № 3 (64). С. 7-10.
11. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Аналитическая философия права: юридический язык как предмет исследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 178-193.
12. Савка А. В. Человек и общество в философии постмодерна // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2006. № 2 (50). С. 115-128.

References

1. Novikov A. G. Relevant philosophical problems of XXI century // Gazette of Yakut state university. 2009. T. 6. No 1. p. 138-140.
2. Gorshenin V. M. Anomie as a social phenomenon: Social and philosophical analysis: Thesis of the philosophical candidate of science: 09.00.11 – Khabarovsk: DVGUPS, 2004. – 161 p.

3. Korkunov N. M. Lectures about General Theory of Law. St. Petersburg: Juridical press center, 2004. 458 p.
4. Shushkina A. G. Critical theory of society nowadays // Humanistic Studies in the in Eastern Siberia and Far East. 2014. No 2 (28). P. 98-103.
5. Ravochkin N. N. Libertarianism: consideration from aview of analytical and political philosophy // Discourse 2018. No 6. P. 3-10.
6. Ravochkin N. N. Political and legal institutions in ideas of Frankfurt School representatives // In the Collection: Marxism review from the 21st century. The tenth Kuzbassky's philosophical readings of Frankfurt School: materials of scientific conference with an international participation. Kemerovo, 2018. P. 166-173.
7. Ogleznev V. V. Theorigin of the modern analytical philosophy of law // Gazette of Tomsk state university. Philosophy. Sociology. Political Science. 2009. No 4 (8). P. 81-88.
8. Ogleznev V. V. The analytical philosophy of law: a new approach to dealing with old problems // The Legal Philosophy. 2010. No 5. P. 7-10.
9. Khart G. L. A. The philosophy and the language of law. M.: Kanon, 2017. 384 p.
10. Ogleznev V. V. The Legal language and the analytical philosophy of law// The Legal Philosophy. 2014. No 3 (64). P. 7-10.
11. Ogleznev V. V., Surovtsev V. A. The analytical philosophy of law: The Legal language as a subject of research // Higher education institutions herald. Jurisprudence. 2015. No 5322). P. 178-193.
12. Savka A. V. Individual and society in the postmodern philosophy // Studies of Russian state social university. 2006. No 2 (50). P. 115-128.

УДК/UDC 347.1

К дискуссии об электронном лице как о возможном субъекте права

Руденко Евгения Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: golushko1@rambler.ru

SPIN-код: 3898-8331

Аннотация

Цифровая экономика стремительно развивается не только в мире, но и в России. Происходит внедрение роботизированных устройств даже там, где, казалось бы, это невозможно. Появляются новые сферы для использования таких устройств. Наряду с термином «робот» начал активно использоваться термин «электронное лицо». Хотя в науке предлагаются его определения и рассматриваются вопросы правосубъектности, споры вокруг понятия «электронное лицо», его сущности, потенциальной возможности быть субъектом права не утихают. В настоящей работе автор постарался рассмотреть вопрос о том, нужно ли в качестве субъекта права электронное лицо и чем принципиально оно отличается от имеющихся правовых явлений – физического лица и юридического лица. Автор приходит к выводу, что в настоящее время нет необходимости в электронном лице как в новом субъекте права.

Ключевые слова: лицо, электронное лицо, физическое лицо, юридическое лицо, робот, субъект права.

To the discussion of the electronic individual as a possible subject of law

RudenkoYevgeniyaYuryevna

Candidate of Law, associate professor of the Civil Rights Department

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: golushko1@rambler.ru

SPIN-код: 3898-8331

Abstract

The digital economy is developing rapidly not only in the world, but also in Russia. Robotic devices are being introduced even where it would seem impossible. New areas are emerging for the use of such devices. Along with the term “robot”, the term “electronic individual” were began to be actively used. Although the scientists propose definitions and consider issues of legal personality, disputes surrounding the concept of “electronic face”, its essence, its potential to be a subject of law, do not subside. In this work, the author tried to consider the issue of whether an electronic individual is necessary as a subject of law and how does it fundamentally differ from existing legal phenomena - an individual and a legal entity. The author comes to the conclusion that at present there is no need for an electronic individual as a new subject of law.

Key words: individual, electronic individual, natural person, legal entity, robot, subject of law.

Начиная размышления об электронном лице как о потенциальном субъекте права, следует обратиться к общему понятию «лицо». Используя термин «электронное лицо», необходимо понимать, что этот термин должен согласовываться с термином «лицо» и не противоречить ему.

Слово «лицо» происходит от латинского слова «persona». Первоначальный перевод этого слова – «лицо», «люди» – был основным. Поэтому традиционно лицо понимается именно как физическое лицо – человек, а юридическое лицо объявляется правовой фикцией. С этих позиций можно утверждать, что в случае реализации намерения признать электрон-

ное лицо субъектом права, должна быть сформулирована соответствующая правовая фикция.

Позже слово «persona» было переведено как «маска». Тем самым понятие «persona» стало использоваться «не как антропологическое, биологическое, а как сугубо юридическое» [1]. Если мы рассматриваем лицо именно как маску, как некое юридическое явление, то вроде бы нет явных препятствий к тому, чтобы ввести в право нового субъекта – электронное лицо (его еще называют искусственный интеллект, робот, юнит искусственного интеллекта и т.п.), который наряду с человеком уже существует в социальном мире и вступает в общественные отношения (требуется лишь осмыслить сущность электронного лица). Это органично согласуется с концептом действительности: «Право или правовая реальность – это не "незначительная часть бытия". Это само социальное бытие ... Право имманентно существу. Оно пребывает не над и не вне социальной реальности. Оно внутри социальной реальности; есть сама эта реальность» [2].

В настоящее время наиболее емким и признанным научным сообществом является определение электронного лица, данное Морхатом П. М. Если отбросить в сторону громоздкость и сложность определения, вычленив из него основное, то электронное лицо – технико-юридический образ, отражающий/воплощающий специфическую правосубъектность персонифицированного юнита искусственного интеллекта, обособленную от человека. Юнит, в свою очередь – компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая система [3].

Электронное лицо может иметь как форму компьютерной программы, так и форму некоего образования с внешними границами, могущего самостоятельно двигаться. Если обратиться к терминологии ГОСТ Р ИСО 8373-2014 «Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения» [4] последнее называется роботом. Причем только робот разумный (или, другими словами, робот с элементами искусственного интеллекта) может быть электронным лицом. Согласимся с Ястребовым О. А., который отмечает, что роботов-носителей искусственного интел-

лекта следует рассматривать как базовую составляющую электронного лица [5].

Попытаемся провести общую аналогию электронного лица с известными правовыми явлениями. Электронное лицо в виде компьютерной программы очень напоминает юридическое лицо. Его нельзя «пощупать», оно искусственно создано человеком, искусственно наделено человеком некими функциями и компетенциями. Электронное лицо в виде робота в целом напоминает человека, с той лишь разницей, что последний имеет биологическую, а не техническую природу. Также как и человек, электронное лицо «порождается» человеком. Можно вообще отойти от попыток сравнения и рассматривать электронное лицо как совершенно новую правовую категорию.

Исходя из сказанного, возможно следующее: наделить электронное лицо правовым статусом одного из известных правовых явлений либо признать электронное лицо совершенно новым правовым явлением, наделив его особым правовым статусом.

Против электронного лица как правовой фикции можно выдвинуть следующие возражения. Во-первых, электронное лицо уже фактически существует, в то время юридическое лицо на момент признания его субъектом права в действительности не существовало. Правовая же фикция является юридическим образованием, противоречащим реальности, но сознательно используемым для юридических последствий [6]. Вместе с тем, при сравнении юридического и электронного лиц как, соответственно, существующую и возможную правовые фикции, нетрудно заметить общее. Сущность юридического лица как правовой фикции проявляется, в частности, в «отсутствии у него рассудка и психического отношения к совершаемым им деяниям» [7]. Электронное лицо, безусловно, также как и юридическое лицо, не обладает психикой и вряд ли когда-либо будет ею обладать.

Следующий спорный момент: согласно п. 1 ст. 53 ГК РФ [8] юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя граж-

данские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом.

Посредством чего (кого) будет приобретать гражданские права и осуществлять обязанности электронное лицо, если распространить на него правовой статус юридического лица? В случае наличия органов управления закономерно возникает вопрос, чем принципиально с юридической точки зрения электронное лицо отличается от юридического лица? Вероятно, ничем. В такой ситуации, более правильно говорить не о новом субъекте права, на который будет распространиться правовой статус юридического лица, а о новой организационно-правовой форме юридического лица.

Наличие полностью автоматизированного управления, как это, например, было сделано в децентрализованных автономных организациях, не делает электронное лицо чем-то особенным по сравнению с юридическим лицом. Управление все равно есть, отличается только способ: децентрализованная автономная организация управляется при помощи смарт-контрактов (самоисполняемых умных контрактов). За автоматизированным управлением все равно «стоит» человек.

Если же органов управления не будет, то предполагается, что электронное лицо действует самостоятельно и самостоятельно принимает решения, но тогда чем электронное лицо будет отличаться от физического лица с юридической точки зрения? Ничем. Более того, это фактически ставит электронное лицо в один ряд с человеком, уравнивает робота и человека в их социальной сущности. «Физическое лицо – это гражданская правоспособность человека, но и юридическое лицо имеет тот же субстрат» [8]. То есть все лица, согласно действующему гражданскому праву, имеют конечное – человека. Именно он вступает в правоотношения либо посредством либо физического лица, либо посредством юридического. Учитывая способность искусственного интеллекта к самосовершенствованию не исключено, что в будущем электронное лицо может быть признано субъектом не только гражданского права, но и права конституционного, семейного. Ему будет позволено воспроизводить себе по-

добных. В конечном итоге искусственный интеллект сможет вытеснить человека или подчинить его себе.

На наш взгляд, оснований для признания электронного лица субъектом права в настоящее время не имеется. Намерение возложить на электронное лицо ответственность есть ничто иное, как нежелание человека нести ответственность.

Список литературы

1. Гаджиев Г. А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1 // Справочно-правовая система «Гарант».
2. Веденеев Ю. А. Юридическая картина мира: между должным и сущим // LexRussica. 2014. № 6. С. 642.
3. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 20.
4. ГОСТ Р ИСО 8373-2014. Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения (введен в действие 01.01.2016 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200118297>.
5. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 40.
6. Кашанина Т. В. Юридические документы. Чему не учат студентов. Как правильно понять и подготовить: учебник. М.: Проспект, 2018. - 448 с. // Справочно-правовая система «Гарант».
7. Танимов О. В. Теория юридических фикций: монография. М.: Проспект, 2016. 224 с. // Справочно-правовая система «Гарант».
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Справочно-правовая система «Гарант».
9. Пятков Д. В. Лица людей // Российский юридический журнал. 2012. № 5 // Справочно-правовая система «Гарант».

References

1. Gadzhiev G. A. Is a robot-agent an individual? (The search for legal forms for regulating the digital economy) // Journal of Russian Law. 2018. No. 1 // Reference-legal system "Garant".

2. Vedenev Yu. A. Legal picture of the world: between the tribute and the existing // Lex Russica. 2014. No. 6. P. 642.
3. Morhat P. M. The legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems: AutoAbstract of thesis of doctor of law sciences. M., 2018. P. 20.
4. GOST R ISO 8373-2014. Robots and robotic devices. Terms and definitions (entered into force on 01.01.2016). URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200118297>.
5. Yastrebov O. A. Legal personality of an electronic individual: theoretical and methodological approaches // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 13. No. 2. P. 40.
6. Kashanina T. V. Legal documents. What students are not taught. How to understand and prepare: a textbook. M.: Prospect, 2018. - 448 p. // Reference-legal system "Garant".
7. Tanimov O. V. Theory of legal fictions: monograph. M.: Prospect, 2016. 224 s. // Reference legal system "Garant".
8. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 federal act No. 51 // Reference-legal system "Garant".
9. Pyatkov D. V. Faces of people // Russian Law Journal. 2012. No. 5 // Reference-legal system "Garant".

УДК/UDC 347.961.41

Нотариальное удостоверение сделок в электронной форме

Саакян Мария Артемовна
магистрант юридического факультета
Волгоградский Государственный Университет
г. Волгоград, Россия
e-mail: maru.saakyan@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается возможность удостоверения нотариальных сделок в электронной форме в связи с бурным и прогрессивным развитием электронной коммерции. Правовое регулирование не только нужно, а просто необходимо совершенствовать также, как и нотариальную деятельность. Она переходит на новый информационный период развития, но у нововведения существуют как положительные, так и отрицательные стороны. В статье говорится о повышении объективности такого электронного документооборота, который дает гарантию и защищенность законных прав и интересов граждан, юридических лиц при совершении сделок в электронной форме и их нотариального удостоверения. Также в статье выявлены недостатки на законодательном уровне и пути их разрешения.

Ключевые слова: информационные технологии, электронная коммерция, правовое регулирование, нотариальная деятельность, общество, государство, сделка, контрагент, суд, страховые документы, лицензия.

Notarial certification of transactions in electronic form

Saakyan Mariya Artemovna
Master of the Faculty of Law
Volgograd State University
Volgograd, Russia
e-mail: maru.saakyan@mail.ru

Abstract

This article discusses the possibility of certification of notarial transactions in electronic form, due to the rapid and progressive development of e-Commerce. Legal regulation, not that it is necessary, and it is simply necessary to improve, as well as notarial activity. It moves to a new information period of development, but there are both positive and negative points, which are described in detail in the article, all the pros and cons of innovations. The article also refers to increasing the objectivity of such electronic document management, which guarantees and protects the legitimate rights and interests of citizens and legal entities in transactions in electronic form and their notarization. Also, the article identifies shortcomings at the legislative level, and ways to resolve them.

Key words: information technology, e-Commerce, legal regulation, notarial activity, society, state, transaction, counterparty, court, insurance documents, license.

Тенденция развития информационных технологий и коммуникаций в XXI веке обусловила бурное развитие электронной коммерции, телекоммуникационных средств, что в свою очередь способствует стремительному развитию общественных и экономических отношений. В то же время возникает необходимость совершенствования правового регулирования, применения новых информационных технологий в сфере государственного, частного регулирования, а также в различных сферах деятельности, в том числе и нотариальной. Таким образом, назрела законодательная необходимость приспособить методы и способы правового регулирования к объективным общественным отношениям, к потребностям граждан, общества и государства в целом.

Процесс удостоверения совершаемой в электронной форме сделки, при которой нотариус посредством усиленной электронной цифровой подписи заверяет соответствующую сделку, называется удостоверением сделки в электронной форме. Результат удостоверения передается участникам электронного товарооборота при помощи сети Интернет либо же с использованием переносных машинных носителей. При этом нотариаль-

но удостоверенная сделка хранится в электронном деле на компьютерном носителе.

Стоит отметить, что при совершении сделки в электронной форме следует предварительно одобрить между контрагентами соответствующий способ телекоммуникационной формы для последующей допустимости доказательств в суде [1].

В цивилистике и правоприменительной практике нет единой позиции в отношении целесообразности осуществления удостоверения сделки нотариусом в электронном виде. Существует точка зрения, согласно которой нотариальное удостоверение электронной документации необходимо для удостоверения страховых документов, лицензий, доверенностей, которые нуждаются в оперативном предоставлении при совершении регистрационных действий и др. [2].

Также в научной литературе существует положительное мнение по поводу данного новшества. Например, по мнению О. Г. Лазаренковой, удостоверение сделки нотариусом в электронной форме является новеллой, способствующей совершенствованию нотариальной деятельности [3, С. 31].

В доктрине также отмечается, что с появлением возможности визуирования документов в электронной форме происходит постепенный переход нотариальной деятельности на новый информационный период развития [4]. Введение нотариально удостоверения сделки в электронном виде имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К положительным моментам относится уменьшение использования бумажных носителей и его архивизации. Конституционным судом РФ [5] было обращено внимание на то, что при всей современности и доступности информационных технологий, упрощающих и сокращающих получение и обработку информации в электронной форме посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет, подобные действия не могут рассматриваться в качестве конституционных нарушений прав или же являться их злоупотреблением.

В рассматриваемом нами определении Конституционно судатакже отмечается, что использование электронного документооборота должно нести в себе экономический и юридический положительный аспект, должно быть целесообразным, а главной целью использования электронных ресурсов, в том числе и в нотариальной деятельности, является упрощение, оперативность, облегчение совершения процедур и сокращение сроков оформления и получения юридически значимых действий.

Также к положительным аспектам закрепления нотариального удостоверения в электронной форме относится экономия времени, необходимого для заключения сделки и совершения нотариальных действий. Такая ситуация благотворно воздействует на гражданский документооборот, ускоряет те или иные экономические процессы. Но удостоверение нотариусом сделки в электронном виде может иметь и отрицательные стороны.

Первым недостатком электронного визирования нотариусов является недостаточное информационное и коммуникационное развитие нашей страны в малочисленных и удаленных регионах. Несмотря на государственную программу информационного развития сельских местностей, коммуникационные технологии в некоторых регионах оставляют желать лучшего. Поэтому внедрение нотариального удостоверения сделок не должно быть принудительным и императивным, в этой ситуации необходима постепенность либо установление такой обязанности только в определенных местностях, которые отвечают информационной развитости.

Вторым недостатком подобной системы является возможная потеря, хищение или искажение соответствующего документа, несмотря на принятые меры защиты [6]. Резервные копии электронных документов при совершении сделок, удостоверенных нотариусом, хранятся на серверах единой информационной системы нотариата. Для устранения возможности такой проблемы нотариусам необходимо будет устанавливать соответствующие программные продукты для обеспечения конфиденциальности и сохранения информации. Установка таких систем может по-

влечь соответствующие финансовые затраты нотариусов и соответственно вызвать повышение тарифов на совершение нотариальных действий.

Третьим недостатком можно считать то, что для удостоверения сделок в электронной форме нотариусам необходимо будет установить соответствующее компьютерное оснащение для бесперебойной работы и свободного доступа в программу. Также нотариусам необходимо для удостоверения сделок наличие усиленной электронной цифровой подписи, получение и установка которой предполагают соответствующие финансовые затраты.

В настоящий момент на законодательном уровне есть несовершенства правового регулирования использования информационно-коммуникационных технологий. Нововведение в нотариальной деятельности будет иметь положительный результат только при комплексном закреплении такого нотариального действия не только в законодательстве о нотариате, но и в других сферах (гражданском, арбитражном, гражданско-процессуальном законодательстве) [7].

В связи с этим одной из проблем, возникающих при нотариальном удостоверении сделки, является привлечение к гражданской ответственности недобросовестных участников гражданского товарооборота, которые не исполняют или ненадлежащим образом исполняют свои обязанности.

Такая проблема вытекает из того, что при доказывании исковых требований в суде истцу необходимо предоставить соответствующие доказательства и факты. И тот факт, что сделка совершена в электронной форме, вызывает определенные трудности. Хотя на настоящий момент в качестве доказательств могут использоваться и электронные документы, и пересылка документов через сеть Интернет, как показывает практика, субъекты немного настороженно воспринимают данную информацию [8].

Для устранения подобной ситуации, связанной с нотариальным удостоверением сделок в электронной форме, и объективного рассмотрения дел в суде необходимо усовершенствовать процедуру взаимодействия судебных органов и нотариусов. Наличие такого электронного докумен-

тооборота повысит объективность, гарантию и защищенность законных прав и интересов граждан, юридических лиц при совершении сделок в электронной форме и их нотариального удостоверения.

Список литературы

1. По делу № А40-217983/2014: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19 января 2016 г. № С01-1146/2015 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
2. Кириллова Е. А. Проблемы развития электронного документооборота в российском нотариате // Нотариус. 2017. № 1. С. 6.
3. Лазаренкова О. Г. Тенденция расширения участия нотариуса при совершении сделок с недвижимостью // Нотариус. 2016. № 4. С. 28–31.
4. Вожова Е., Сидоров Д. Кому пряник, кому кнут? Изменения позволят нотариусам усилить свои позиции // ЭЖ-Юрист. 2016. № 4. С. 3.
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Юрэнерго» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пунктов 5, 6 и 10 статьи 7.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»: Определение Конституционного Суда РФ от 15.09.2015 N 1838-О // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
6. Об утверждении Порядка ведения реестров единой информационной системы нотариата от 17.06.2014 № 129: приказ Министерства юстиции России // Российская газета 2014. № 136.
7. Имансу А. С. Удостоверение сделок в электронном виде // Нотариус. 2017. № 6. С. 20–21.
8. Прощалыгин Р. А. Правовое регулирование нотариального удостоверения сделок в электронной форме // Нотариус. 2017. № 5. С. 39–42.

References

1. In case No. A40-217983 / 2014: Resolution of the Intellectual Property Court of January 19, 2016 No. C01-1146 / 2015 // Reference and Legal System «Consultant Plus».
2. Kirillova E. A. Problems of the development of electronic document management in Russian notaries // Notary. 2017. No. 1. P. 6.
3. Lazarenkova O. G. The tendency to expand the participation of a notary in transactions with real estate // Notary. 2016. No. 4. P. 28-31.

4. Vozhova E., Sidorov D. To whom is the carrot, to whom is the whip? The changes allowed notaries to strengthen their positions // EZh-Lawyer. 2016. No. 4.S. 3.

5. On the refusal to consider a complaint of the closed joint-stock company Yurenergo on violation of constitutional rights and freedoms by the provisions of paragraphs 5, 6 and 10 of Articles 7.1 Federal law “On state registration of legal entities and individual entrepreneurs”: Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.09. 2015 N 1838-O // Reference legal system «Consultant Plus».

6. On approval of the Procedure for maintaining the register of the unified state system of notaries dated June 17, 2014 No. 129: Order of the Ministry of Justice of Russia // Rossiyskaya Gazeta 2014. No. 136.

7. Imansu A. S. Certification of transactions in electronic form // Notary. 2017. No. 6.S. 20-21.

8. Proshchalygin R. A. Legal regulation of notarization of transactions in electronic form // Notary 2017. No. 5. P. 39-42.

УДК/UDC 347.61/64

Договорные отношения в процедуре суррогатного материнства

Савицкая Анастасия Александровна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г.Краснодар, Россия

e-mail: savanna080995@gmail.com

Кудрявцева Лариса Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г.Краснодар, Россия

e-mail: larisa-k75@mail.ru

Аннотация

Количество обращений к вспомогательным репродуктивным технологиям в нашей стране увеличивается с каждым годом, причина связана с ухудшением репродуктивных функций населения. С ростом популярности использования современных методов репродукции человека увеличилось и количество преступной деятельности в данном направлении, самыми распространенными являются совершенные при использовании суррогатного материнства (торговля новорожденными, вымогательство, шантаж). Чтобы сократить уровень преступлений, необходимо детально урегулировать все вопросы в письменной форме путем составления договора, но, к сожалению, в отечественном законодательстве не закреплён юридически договорной порядок оформления правоотношений в области суррогатного материнства. В данной статье рассматривается проблема отсутствия правового урегулирования договорных отношений между участниками процедуры суррогатного материнства, формулируются предложения по совершенствованию законодательного урегулирования данного метода вспомогательных репродуктивных технологий, анализируются пробелы в законодательстве.

Ключевые слова: суррогатное материнство, договор, вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатная мать, потенциальные родители.

Contractual relations in the procedure of surrogate motherhood

Savitskaya Anastasia Alexandrovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: savanna080995@gmail.com

Kudryavtseva Larisa Vladimirovna
candidate of law, associate Professor
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: larisa-k75@mail.ru

Abstract

The number of calls to assisted reproductive technologies in our country is increasing every year, the reason that is the deterioration of the reproductive functions of the population. With the increasing popularity of using modern methods of human reproduction, the number of fraudulent activities in this direction has also increased. The most common being committed when using surrogate motherhood (trade in new borns, extortion, and blackmail). To reduce the level of crime, it is necessary to resolve all issues in writing in detail by drawing up a contract. Unfortunately, domestic legislation does not establish a legally contractual procedure for formalizing legal relations in the field of surrogate motherhood. This article discusses the important problem of the lack of legal regulation of contractual relations between participants in the surrogate motherhood procedure, formulates suggestions for improving the legislative regulation of this method of assisted reproductive technologies, and analyzes gaps in the legislation.

Key words: surrogacy, contract; assisted reproductive technologies; surrogate mother; potential parents.

На сегодняшний день наблюдается возрастающая популярность одной из процедур вспомогательных репродуктивных технологий (далее по тексту - ВРТ), а именно процедуры суррогатного материнства как спо-

соба лечения бесплодия и получение шанса бесплодных пар стать биологическими родителями своему ребенку, рожденному другой женщиной.

В процедуре суррогатного материнства центральное место занимает вопрос договорного оформления отношений между его участниками.

В положениях семейного и гражданского законодательства не содержится определение договора суррогатного материнства, что в свою очередь усложняет понимание его сущности, участвующих сторон, содержания и ответственности, наступающей по данному договору.

В п. 9 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ указывается лишь возможность заключения договора суррогатного материнства. Так, в соответствии с данным пунктом «Суррогатное материнство - вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям» [1]. Таким образом, закон указывает на субъектный состав договора суррогатного материнства, однако не дает разъяснений о его правовой природе, содержании, форме.

В свою очередь слабая разработанность нормативной базы оказывает благотворное воздействие для мошенничества и злоупотребления в данной сфере. Так, имеют место случаи отказа согласия суррогатной матери после рождения ребенка на регистрацию биологических родителей в качестве родителей новорожденного ребенка, когда суррогатная мать шантажирует биологических родителей с целью наживы. Такие ситуации происходят именно из-за пробелов в законодательстве, касающихся договорного оформления процедуры суррогатного материнства.

При составлении договора суррогатного материнства юристы вынуждены обращаться к общим положениям о договоре в ГК РФ [2]. Часто договор суррогатного материнства строят на положениях договора о возмездном оказании услуг. От того, насколько грамотно будет состав-

лен договор, будет зависеть построение и развитие отношений между суррогатной матерью и биологическими родителями.

В доктрине гражданского права по сей день не разрешен вопрос о природе договора суррогатного материнства и о том, что является его предметом. Так, одни авторы относят договор суррогатного материнства к непоименованному договору возмездного оказания услуг [3], который носит полиотраслевой характер [4]. Позиция других сводится к тому, что данным договором регулируются имущественные и личные неимущественные (семейно-правовые) отношения [5].

На сегодняшний день договор о суррогатном материнстве не подлежит государственной регистрации или обязательному нотариальному удостоверению. Мы считаем, что необходимо законодательно утвердить обязанность удостоверения договора, так как, например, нотариус, объясняя суть договора сторонам, удостоверялся бы в том, что сделка не ущемляет чьи-то права и направлена на соблюдение интересов сторон.

Также нигде не прописана обязательная письменная форма сделки между суррогатной матерью и потенциальными родителями. Между ними сделка может быть совершена и в устной форме. Письменная форма сделки подтверждает серьезные намерения сторон на проведение процедуры суррогатного материнства, свидетельствует о факте совершения сделки, обеспечивает четкость и точность его содержания, имеет доказательственную и информативную функцию.

Статья 55 Закона об основах охраны здоровья допускает возможность использования суррогатного материнства как метода лечения бесплодия, а в ст. 51 СК РФ сказано, что потенциальные родители могут быть записаны родителями ребенка только с согласия суррогатной матери [6]. Таким образом законодатель допускает с одной стороны использование суррогатного материнства в качестве метода лечения бесплодия, а с другой - ставит результативность такого лечения в зависимость от воли суррогатной матери. На наш взгляд, это совершенно недопустимо.

Чтобы избежать подобных случаев, необходимо внести дополнения и изменения в текущее законодательство РФ, например, введение

отдельной главы в СК РФ, направленной на урегулирование отношений участников ВРТ.

Законодатель должен закрепить понятие договора суррогатного материнства, определить его существенные условия, без которых его заключение будет считаться невозможным. В целях минимизации рисков, вызванных правовой неграмотностью сторон, следует рассмотреть возможность включения договора о суррогатном материнстве в перечень сделок, подлежащих обязательному нотариальному удостоверению.

Чтобы избежать злоупотребления правом со стороны суррогатной матери (шантаж, вымогательство), можно предложить законодательно закрепить наличие двух договоров, заключаемых между потенциальными родителями и медицинской организацией, и между медицинской организацией и суррогатной матерью. Данное право поможет избежать риска того, что суррогатная мать станет устанавливать требования биологическим родителям, шантажировать их и вымогать деньги отказом записать их родителями в свидетельстве о рождении. Таким образом, перед родителями ответственность будет нести не суррогатная мать, а медицинская организация.

Отсутствие должной законодательной и теоретической разработанности свидетельствует о необходимости упрощения положения сторон в вопросе согласования договорных условий посредством создания модельного договора и его дальнейшее закрепления в Приказе Минздрава России от 30 августа 2012 г. № 107н [7]. Закрепление соответствующих норм в семейном или гражданском законодательстве, обязательное нотариальное удостоверение подобных сделок поспособствует сокращению числа мошеннических преступлений в данной сфере и позволит определить стандарты и добросовестность поведения участников правовых отношений, так как на сегодняшний день суррогатное материнство - ничем не ограниченная коммерческая деятельность.

Список литературы

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.
3. Митрякова Е. С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. 23 с.
4. Дикова И. А. Регулирование отношений, возникающих при применении вспомогательных репродуктивных технологий, в семейном и гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 36 с.
5. Кудрявцева Л. В., Шевченко В. С. Проблемы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве // Актуальные проблемы современности. 2018. № 3 (21). С. 38–43.
6. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»
7. Приказ Минздрава России от 30 августа 2012 г. № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

References

1. On frame work of Public Health Care in the Russian Federation: Federal law dated 21.11.2011 federal act No 323 // «Consultant-Plus» law reference system URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (date of the request: 17.08.2019).
2. The Civil Code of Russian Federation (part 1) dated 30.11.1994 federal act No 51 // Russian Magazine. No 238-239. 08.12.1994.
3. Mitryakova Ye. S. The legal regulation of surrogate motherhood in Russia: Auto Abstract of thesis of the candidate of law sciences. Tyumen. 2006. P. 23.
4. Dikova I. A. The regulation of relationships that arise in implementing assisted reproductive technologies, in the Family and Civil laws in Russia: Auto Abstract of thesis of the candidate of law sciences. M., 2011. P. 36.
5. Kudryavtseva L. V., Shevchenko V. S. The problems of interstate regulation of marriage and family relations in the international private law // Topical issues of our times. 2018. No 3 (21). P. 38-43.

6. The family Code of Russian Federation dated 29.12.1995 federal act No 223 // «Consultant-Plus» law reference system URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (date of the request: 17.08.2019).

7. The order of Russian Ministry of Health dated 30.08.2012 No 107h (amended on 01.02.2018) «On the order of use of assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions on their use» // «Consultant-Plus» law reference system URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142595/ (date of the request: 17.08.2019).

УДК/UDC 347.781.5

Свободное использование произведений, находящихся в общественном достоянии

Сапронов Иван Игоревич

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: sapronov_vanya@list.ru

Седова Наталья Александровна

кандидат юридических наук, доцент

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: vasanne83@gmail.com

Аннотация

В статье приводятся и анализируются такие понятия авторского права, как свободное использование произведений и общественное достояние. В работе исследуются: законодательство, регулирующее общественные отношения, возникающие по поводу свободного использования объектов авторских прав, а также различные точки зрения ученых-цивилистов о действующем правовом режиме и перспективах развития соответствующего правового регулирования. Особое внимание уделено составу объектов авторских прав, которые могут находиться в общественном достоянии, а также критериям охраноспособности произведений науки, литературы и искусства, признаваемых объектами авторских прав. Высказаны предположения о последствиях введения в Российской Федерации платности использования произведений, находящихся в общественном достоянии.

Ключевые слова: авторское право, объекты авторских прав, свободное использование произведений, общественное достояние.

Free use of works in the public domain

Sapronov Ivan Igorevich
student of the faculty of law
Kuban state agrarian University
Krasnodar, Russia
email: sapronov_vanya@list.ru

Sedova Natalya Aleksandrovna
candidate of law, associate Professor
Kuban state agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: vasanne83@gmail.com

Abstract

The author presents and analyzes such concepts of copyright as the free use of works and the public domain. The article investigates the legislation regulating social relations arising from the free use of copyright objects, as well as different points of view of scientists, also known as civilians, about the current legal regime and prospects for the development of the relevant legal regulation. Particular attention is paid to the composition of copyright objects that may be in the public domain, as well as the criteria for the protection of works of science, literature and art, which were recognized as objects of copyright. The writer makes an assumptions about the consequences of the introduction in the Russian Federation of payment for the use of works in the public domain.

Key words: copyright, objects of copyright, free use of works, public domain.

Положения ст. 1282 ГК РФ регулируют переход произведений науки, литературы и искусства после истечения срока действия исключительного права в общественное состояние вне зависимости от их обнаружения. Нахождение данных объектов авторских прав в общественном достоянии позволяет использовать произведения литературы, искусства и науки любому субъекту гражданских прав без получения соответствующего согласия и выплаты вознаграждения. Однако при таком использовании не должны нарушаться право авторства, право авторства на имя и право на неприкосновенность произведения.

Помимо этого, переход произведений в общественное достояние осуществляется при досрочном прекращении исключительного права в связи с переходом исключительного права, находящегося в составе наследственной массы, в выморочное имущество (ст. 1283 ГК РФ). Срочный характер исключительного права на произведения стимулирует участников гражданских отношений, связанных с результатом интеллектуальной деятельности, к их развитию, а также созданию и использованию новых объектов авторских прав. Для необнародованных произведений в гражданском законе установлено специальное правовое регулирование, направленное на вхождение таких произведений в процесс их использования. Обнародование подобного произведения может быть осуществлено любым лицом при условии непротиворечия авторской воле, выраженной в письменной форме. Лицо, осуществившее правомерные действия по обнародованию, признается публикатором, и за ним закрепляется комплекс смежных прав публикатора. Публикатору принадлежит исключительное право, действующее 25 лет с 1 января года, следующего за годом опубликования, и право указывать собственное имя при использовании произведения в качестве публикатора.

В цивилистике существует позиция, в соответствии с которой правовой режим общественного достояния заключается в возможности свободно использовать соответствующий объект гражданского права любым лицом без чьего-либо разрешения либо согласия и выплаты вознаграждения [1].

По мнению С. Досолье, любой режим общественного достояния должен быть обеспечен свободным всеобщим использованием соответствующего объекта всеми охватываемыми авторским правом способами [2].

В юридической литературе также высказывалось мнение о необходимости отнесения к общественному достоянию наравне с произведениями, исключительные права на которые прекратились по истечении его срока или досрочного прекращения при отсутствии наследников, других результатов интеллектуальной деятельности. Так, например, А. П.

Сергеев предлагает предоставить автору произведения объявлять такое произведение находящимся в общественном достоянии [3]. Аналогичного мнения придерживается С. А. Судариков [4]. Таким образом представляется, что подобные ситуации целесообразно регламентировать не при помощи режима общественного достояния, а путем реализации иных правовых инструментов. В свою очередь К. М. Гаврилов в качестве отказа автора от исключительного права рассматривает создание официального документа, знака или символа, так как авторские права распространяются на проект. В тоже время после его утверждения соответствующим органом он не рассматривается в качестве объекта авторских прав [5].

На наш взгляд, положения ст. 1264 ГК РФ определяют, что разработчикам проектов официальных документов, знаков и символов, в отличие от авторов других результатов интеллектуальной деятельности, принадлежат лишь некоторые авторские права: право обнародования (если это не запрещается организацией, по чьему заказу был разработан проект) с указанием своего имени и право авторства.

Ряд авторов относят к числу элементов общественного достояния произведения науки, искусства и литературы, которым не предоставляется правовая охрана, такие как официальные документы, их официальные переводы, принципы, концепции, идеи, произведения народного творчества, сообщения о фактах и событиях [6].

Также следует отметить, что существует и иная точка зрения, согласно которой указанные выше объекты не подпадают под действие законодательства, регулирующего интеллектуальные права. Т.е. на такие объекты не возникают не только исключительные права, но и личные неимущественные права. Так, например, в отличие от них на произведения, перешедшие в общественное достояние в соответствии со ст. 1282 и 1283 ГК РФ, неимущественные права продолжают распространяться.

По нашему мнению, результаты интеллектуальных прав, на которые не распространяется действие закона, регулирующего отношения в сфере интеллектуальных прав, не могут рассматриваться как элемент общественного достояния. Режим правовой охраны действует только в

отношении произведений, срок действия исключительного права на которые истек либо на которые не возникало исключительное право. В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации использование результатов интеллектуальной деятельности, находящихся в общественном достоянии, является безвозмездным.

Однако законодательство некоторых зарубежных государств предусматривает плату за использование произведений, находящихся в общественном достоянии. По мнению Сударикова С. А., целесообразно установление специальных отчислений за использование произведений, находящихся в общественном достоянии, которые могли бы использоваться в целях материальной поддержки авторов [7]. Сбор и распределение таких средств возможно осуществлять аккредитованными организациями по управлению интеллектуальными правами на коллективной основе. Вероятно, введение в РФ платности использования произведений, находящихся в общественном достоянии, могло бы способствовать развитию общественных отношений в области культуры и искусства, а также способствовать упрощению доступа к произведениям науки, литературы и искусства.

Список литературы

1. Свиридов Н. Л. Границы и ограничения по закону исключительного интеллектуального права (права интеллектуальной собственности): дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / Николай Львович Свиридов. Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ. М., 2008. 182 с.
2. Дюсолле С. Обзорное исследование по авторскому праву и смежным правам и общественному достоянию //ВОИС, 2010. 96 с.
3. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник/2-е изд., перераб. и доп. / М.: ТК Велби, 2004. 752с.
4. Судариков С. А. Авторское право //М.: Проспект, 2011. 338 с.
5. Гаврилов К. М. Сроки действия исключительных гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук: 12:00:03 / Кирилл Михайлович Гаврилов. Рос. гос. акад. интelleктуальной собственности. М., 2011. 144 с.
6. Близнец И. А., Леонтьев К. Б. Авторское право и смежные права: учебник / под ред. И.А. Близнеца. М.: Проспект, 2016. 416 с.

7. Судариков, С. А. Право интеллектуальной собственности: учебник / М.: ТК Велби, Проспект, 2010. 352 с.; Консультант Плюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2014.

References

1. Sviridov N. L. The borders and restriction by law of exclusive ownership of intellectual (intellectual property rights) [Text]: thesis of the candidate of law sciences: 12.00.03 / Nikolay Lvovich Sviridov; The academy of national household to the Government of Russian Federation. – M., 2008. P. 182.

2. Dyusolye S. A. Review Study on the copyright and entitlement public domain. [Text] / S. Dyusolye. – Document CDIP/4/3 Rev./Study/Inf/1. – WIPO, 2010. – p. 96.

3. Sergeyev A. P. Intellectual property law in Russian Federation: [Text] textbook. Second edition, supplemented and revised. / A. P. Sergeyev. – M.: TK Velbi, 2004. P. 752.

4. Sudarikov S. A. Copyright: [Text] textbook/ S. A. Sudarikov. – M.: Prospekt, 2011. P. 338.

5. Gavrilov K. M. Time frames for an exclusive civil law [Text]: thesis of the candidate of law sciences: 12:00:03 / Kirill Mikhaylovich Gavrilov; Russian government academy of intellectual property. – M., 2011. P. 144.

6. Bliznets I. A., Leontyev K. B. copyright and entitlement law: [Текст] textbook/ edited by I. A. Bliznetsa. M.: Prospekt, 2016. P. 416.

7. Sudarikov S. A. Intellectual property law: [Text] textbook/ S. A. Sudarikov. – M.: TK Velbi, Prospekt, 2010. P. 352. [Electronic resource] // «Consultant-Plus» law reference system. – Professional version – Electronic data. – M., 2014.